

10370.
Q^ac 1.

О СОСТОЯНІИ
РИЖСКОЙ
АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ГИМНАЗИИ

ВЪ 1871/2 УЧЕБНОМЪ ГОДУ.

Съ приложеніемъ

разсужденія преподавателя Латинскаго языка

кандидата Д. Нагуевского:

Характеръ и развитіе
РИМСКОЙ САТИРЫ.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
193320

Рига, 1872.

Печатано въ русско-латышской типографіи (Б. Г. Штальбергъ).

Дозволено цензурою. — Рига, 22 Мая 1872 года.

Est. A-11332

Въ началѣ 1871/2 учебнаго года, въ слѣдствіе предписанія Господина Попечителя Дерптскаго Учебнаго Округа отъ 20 Августа 1871 года за № 1840, въ Рижской Александровской гимназіи введено было преподаваніе по учебному плану новаго устава гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденного въ 30 день Юля 1871 года. вмѣстѣ съ тѣмъ введено было въ гимназіи преподаваніе греческаго языка, на первый годъ только въ III и IV классѣ, и прекращено было въ младшихъ классахъ преподаваніе естественной исторіи.

Измѣненія въ учебномъ планѣ повлекли за собою нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ. Такъ упразднено было мѣсто сособаго учителя естественной исторіи и географіи, въ слѣдствіе чего преподаватель этихъ предметовъ, кандидатъ Шафрановъ, оставленъ былъ за штатомъ, а преподаваніе географіи поручено было учителю исторіи.

Кромѣ того нравственно—воспитательный надзоръ въ различныхъ классахъ порученъ былъ отдѣльнымъ преподавателямъ, которымъ на основаніи новаго устава дано названіе классныхъ наставниковъ, а для надзора за учениками во время, свободное отъ классныхъ занятій, учреждена должность помощника классныхъ наставниковъ. Къ класснымъ наставникамъ и ихъ помощникамъ перешли обязанности прежняго воспитателя, должность котораго была упразднена.

Личный составъ Рижской Александровской гимназіи въ 1871/2 учебномъ году былъ слѣдующій:

Директоръ, Статскій Совѣтникъ Николай Гамбургцовъ.

Исправляющій должность инспектора и учитель русской словесности, Коллежскій Совѣтникъ Викторъ Москвинъ.

Законоучитель Православнаго вѣроисповѣданія, священникъ Алексѣй Щелкуновъ.

Законоучитель Евангелическо-Лютеранскаго вѣроисповѣданія, пасторъ Карлъ Гугенбергеръ.

Законоучитель Римско-Католическаго вѣроисповѣданія, магистръ Адольфъ Мартинофъ.

Учитель математики, кандидатъ Василій Шиховъ.

Est-A

1*

Tartu Riikliku Olikooli
Raamatukogu

16421

Учитель математики, Надворный Совѣтникъ Валеріанъ Чирвинскій.

Учитель исторіи и географіи, Коллежскій Совѣтникъ Орестъ Милевскій.

Учитель греческаго и латинскаго языка, Іосифъ Канскій.

Учитель латинскаго языка, кандидатъ Дарій Нагуевскій.

Учитель русскаго языка, Надворный Совѣтникъ Иванъ Голицинскій.

Учитель французскаго языка, Людовикъ Кортези.

Учитель нѣмецкаго языка, Гельмутъ Маасенъ.

Учитель латышскаго языка, Каспаръ Безбардись.

Учитель чистописанія и рисованія, классный художникъ Василій Каллистовъ.

Учитель пѣнія, Губернскій Секретарь Алексѣй Садовскій.

Учитель гимнастики, Бернгардтъ Штрассъ.

Помощникъ класснаго наставника, Григорій Анцъ.

Врачъ гимназій, Коллежскій Совѣтникъ Александръ Панинъ.

Исправляющій должность писмоводителя, Надворный Совѣтникъ Ѳеодоръ Подтягинъ.

Распределе́ніе уроковъ по классамъ:

ПРЕДМЕТЫ.	К Л А С С Ы.							Всего.	
	Приготов.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.		VII.
Законъ Божій	4	2	2	2	2	2	1	1	16
Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ	6	4	4	4	4	4	3	3	32
Братія основанія Логикѣ	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Латышскій языкъ	—	8	7	5	5	6	6	6	43
Греческій языкъ	—	—	—	5	6	—	—	—	11
Математика (съ физикою и математическою географіею)	6	5	4	3	3	4	6	6	37
Географія	—	2	2	2	2	—	—	1	9
Исторія	—	—	—	2	2	2	2	2	10
Французскій языкъ	—	—	3	3	3	4	4	4	21
Нѣмецкій языкъ	—	—	3	3	2	4	4	3	19
Чистописаніе	6	3	2	—	—	—	—	—	11
Итого	22	24	27	29	29	26	26	27	210
Въ курсѣ:									
Латышскій языкъ	2	2	2	2	2				10
Пѣніе		2		2					4
Гимнастика		2				2			4
Рисованіе			2						2

Законъ Божій Евангелическо-Лютеранскаго вѣроисповѣданія преподается одновременно съ уроками Закона Божія Православнаго вѣроисповѣданія; для Закона Божія Римско-Католическаго вѣроисповѣданія назначены два урока внѣ классаго времени.

Распределе́нiе уроковъ между преподавателями:

Преподаватели.	Предметы.	К Л А С С Ы.							Всего.	
		Привго- тов.	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.		VII.
Директр. Гамбурцовъ	Русскій языкъ	—	4	—	—	—	—	—	—	12
	Латинскій языкъ	—	8	—	—	—	—	—	—	
Исправляющій долж- ность Инспектора Москвинъ	Русскій языкъ и сло- весность	—	—	—	—	—	3	2	2	11
	Церковно - славянскій языкъ	—	—	—	—	—	1	1	1	
	Логика	—	—	—	—	—	—	—	1	
Священникъ Щелку- новъ	Законъ Божій	4	2	2	2	2	2	1	1	16
Пасторъ Гугенбергеръ	Законъ Божій	4	2	2	2	2	2	1	1	16
Коллежск. Совѣтникъ Мясевскій	Географія	—	2	2	2	2	—	—	1	19
	Исторія	—	—	—	2	2	2	2	2	
Кандидатъ Шиховъ .	Арифметика	—	5	—	—	—	—	—	—	16
	Алгебра и арифметика	—	—	—	—	—	—	—	1	
	Геометрія и тригономе- трія	—	—	—	—	1	2	—	2	
	Физика	—	—	—	—	—	—	2	2	
	Математическая геогра- фія	—	—	—	—	—	—	—	1	
Надворный Совѣтникъ Чирвинскій	Арифметика	6	—	4	2	—	—	—	—	21
	Алгебра	—	—	—	1	2	2	2	—	
	Геометрія	—	—	—	—	—	—	2	—	
Учитель Канскій . .	Греческій языкъ	—	—	—	5	6	—	—	—	23
	Латинскій языкъ	—	—	—	—	—	—	6	6	
Кандидатъ Нагуевскій	Латинскій языкъ	—	—	7	5	5	6	—	—	23
Надворный Совѣтникъ Голыцинскій	Русскій языкъ	6	—	4	4	4	—	—	—	18
Учитель Кортези . . .	Французскій языкъ . . .	—	—	3	3	3	4	4	4	21
Учитель Маасень . . .	Нѣмецкій языкъ	—	—	3	3	2	4	4	3	19
Учитель Каллистовъ	Числосчисаніе	6	3	2	—	—	—	—	—	11

Уроки внѣ курса:

Законоучитель Римско-Католич. вѣроисповѣданія, Мартинофъ	Урок. 2
Учитель Латышскаго языка, Безбардисъ	10
Учитель рисованья, Каллистовъ	2
Учитель пѣнія, Садовскій	4
Учитель гимнастики, Штрассъ	4

Итого . 22

Обзоръ пройденнаго въ 1871/2 учебномъ году въ отдѣльныхъ классахъ по всеѣмъ предметамъ.

Въ приготовительномъ классѣ.

По Закону Божию Православнаго вѣроисповѣданія: 4 урока. Общеупотребительныя молитвы, съ объясненіемъ ихъ порусски; рассказы изъ священной исторіи.

Евангелическо - Лютеранскаго вѣроисповѣданія: 4 урока. *Elemente der christlichen Religion in Geschichte und Lehre, in Lied und Gebet, nach dem Leitfadен von Holst. Auswendiglernen und Wort-erklärung der beiden ersten Hauptstücke des kleinen Lutherschen Katechismus.*

По русскому языку: 6 уроковъ. Упражненія въ чтеніи, разсказѣ и декламации, по книгѣ для чтенія Паульсона. Письменные упражненія состояли въ списываніи съ книги, въ письмѣ выученнаго наизусть. Во второмъ полугодіи ученики писали по диктовкѣ краткія предложенія. Ознакомленіе съ частями рѣчи.

По ариѳметикѣ: 6 уроковъ. Четыре дѣйствія надъ отвѣченными числами. Упражненія въ рѣшеніи задачъ письменно и въ умѣ.

По чистописанію: 6 уроковъ. Упражненіе въ письмѣ отдѣльныхъ буквъ; письмо съ прописей.

Въ I классѣ.

По закону Божию Православнаго вѣроисповѣданія: 2 урока. Священная исторія Ветхаго Заветъа, по руководству Рудакова.

Лютеранскаго вѣроисповѣданія: 2 урока. *Biblische Geschichte des alten Testaments bis auf Salomo, nach Kurtz. Auswendiglernen und Worterklärung des 3. Hauptstückes.*

По русскому языку: 4 урока. Объяснительное чтеніе изъ учебной русской хрестоматіи Полеваго; упражненія въ разсказѣ, декламации и письмѣ по диктовкѣ. Понятіе о предложеніи и его составныхъ частяхъ, о частяхъ рѣчи и ихъ измѣненіяхъ.

По латинскому языку: 8 уроковъ. Части рѣчи; склоненіе именъ существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и числительныхъ; степени сравненія прилагательныхъ и нарѣчій; правильное спряженіе глаголовъ дѣйствительнаго и страдат. залога. Переведены съ латинскаго на русскій языкъ словесно, а съ русскаго на латинскій языкъ словесно и письменно все упражненія перваго курса по руководству Кюнера. Изъ приложенной къ руководству латинской хрестоматіи переведены словесно ст. 1—10.

По ариѳметикѣ: 5 уроковъ. Устное и письменное счисленіе. Четыре дѣйствія надъ отвлеченными и именованными числами. Понятіе о дробяхъ. Упражненіе въ составленіи и рѣшеніи задачъ на пройденныя дѣйствія письменно и въ умѣ. Руководство-Ариѳметика Лева.

По географіи: 2 урока. Общія свѣдѣнія изъ географіи физической и математической, по руководству Смирнова.

По чистописанію: 3 урока. Письмо съ прописей и съ книгъ.

Во II классѣ.

По закону Божію Православнаго вѣроисповѣданія: 2 урока. Священная исторія Новаго Завѣта, по руководству Рудакова.

Лютеранскаго вѣроисповѣданія: 2 урока. *Biblische Geschichte des alten Testaments von Salomo bis auf Christus, nach Kurtz. Auswendiglernen und Worterklärung des 4. Hauptstückes des kleinen Lutherschen Katechismus und der gebräuchlichsten Kirchenlieder.*

По русскому языку: 4 урока. Объяснительное чтеніе, по книгѣ для чтенія Паульсона; заучиваніе стихотвореній и упражненія въ разсказѣ прочитаннаго. Объясненіе главныхъ и второстепенныхъ частей предложенія; предложенія главныя, придаточныя и вводныя. Объясненіе частей рѣчи и ихъ измѣненій. Письменныя упражненія состояли въ письмѣ по диктовкѣ и въ изложеніи содержанія прочитаннаго или разсказаннаго въ классѣ.

По латинскому языку: 7 уроковъ. Изъ этимологии по Кюнеру § 34—51; изъ упражненій переведены главы XXVIII—LXVI; изъ хрестоматіи басни: 3—6, 9, 11, 15—17, разсказы: 5, 6, 11, 13, 16 и 17 и отрывки изъ исторіи по Евтропію: гл. 1—46. Устное составленіе въ классѣ фразъ для упражненія въ употребленіи *ablativus absolutus, accusativus cum infinitivo*, союзовъ *ut, ne, quin*. Письменныя упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ.

По ариѳметикѣ: 4 урока. Четыре дѣйствія надъ простыми и десятичными дробями, по руководству Лева. Рѣшеніе задачъ, относящихся къ пройденнымъ дѣйствіямъ.

По географіи: 2 урока. Описаніе Азіи, Африки, Америки и Австраліи, по руководству Смирнова. Упражненіе въ черченіи картъ.

По французскому языку: 3 урока. Чтеніе. Заучиваніе словъ и упражненія въ переводахъ устно и письменно, по руководству Марго, § 1—75. Спряженіе глаголовъ вспомогательныхъ и правильныхъ. Письмо по диктовкѣ.

По нѣмецкому языку: 3 урока. Упражненія въ чтеніи и

диктовкѣ. Изъ руководства Массона переведены съ нѣмецкаго на русскій языкъ статьи 151, 163, 165, 166, 169, 179, 193, 201, 205, 206, 207, 212, 239. Съ русскаго на нѣмецкій переводились изъ книги для чтенія Паульсона статьи 22 и 375. Пройдены главныя правила этимологій, по грамматикѣ Гейзе.

По чистописанію: 2 урока. Списываніе съ книгъ.

Бъ III классѣ.

По закону Божію Православнаго вѣроисповѣданія: 2 урока. Пространный катихизисъ до 9-го члена. Лютеранскаго вѣроисповѣданія: 2 урока. *Biblische Geschichte des neuen Testaments nach Kurtz. Auswendiglernen des 5. Hauptstücks des kleinen Lutherschen Katechismus und der gebräuchlichsten Kirchenlieder.*

По русскому языку: 4 урока. Практическое ознакомленіе со сложнымъ предложениемъ и систематическое изложеніе этимологій, по грамматикѣ Антонова. Письменными упражненіями служили диктовка и изложеніе содержанія прочитанныхъ и объясненныхъ статей изъ книги для чтенія Паульсона.

По латинскому языку: 5 уроковъ. Окончаніе этимологій съ упражненіями въ переводахъ, по Кюннеру. Изъ Корнелія Непота: жизнеописанія IX, XI, XIII, XVI, XVII, XX. Письменные упражненія состояли въ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ.

По греческому языку: 5 уроковъ. Склоненія существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій, образованіе степеней сравненія и спряженія чистыхъ глаголовъ (кромѣ сокращенныхъ); по руководству Кюннера въ переводѣ Коссовича. Изъ хрестоматіи переведены 12 басенъ и 8 анекдотовъ (отъ 83—100). Письменные упражненія состояли въ переводахъ съ русскаго на греческій языкъ.

По ариѳметикѣ: 2 урока. Пропорціи; правила тройное, то-варищества, вычисленія процентовъ и смѣшенія, по руководству Лева.

По алгебрѣ: 1 урокъ. Четыре дѣйствія надъ алгебраическими количествами, по руководству Давидова.

По географіи: 2 урока. Описаніе государствъ Европы, по руководству Смирнова. Упражненіе въ черченіи картъ.

По исторіи: 2 урока. Краткій курсъ всеобщей и русской исторіи, по руководству Иловайскаго.

По французскому языку: 3 урока. Упражненія по руководству Марго, § 76—115. Производство временъ. Глаголы возвратные, безличные, страдательные и неправильные. Понятіе о синтаксисѣ. Устные переводы съ французскаго на русскій и съ

русскаго на французскій языкъ. Письменныя упражненія состояли въ переводахъ съ русскаго на французскій языкъ и въ экстампораліяхъ.

По нѣмецкому языку: 3 урока. Изъ Массова переведены съ нѣмецкаго на русскій языкъ статьи 208, 219, 228, 237, 241, 244 и 246. Изъ книги для чтенія Паульсона переводились съ русскаго на нѣмецкій языкъ статьи 25, 38, 51, 79, 216, 225, 233, 236, 238, 239, 243, 245, 346, 349, 351, 352, 354. По грамматикѣ Гейзе пройдена этимологія. Письменныя упражненія состояли въ диктовкѣ и въ переводахъ съ русскаго на нѣмецкій языкъ.

Въ IV классѣ.

По закону Божию Православнаго вѣроисповѣданія: 2 урока. Пространный катихизисъ съ 9 члена до конца.

Лютеранскаго вѣроисповѣданія: 2 урока. Die christliche Glaubens- und Sittenlehre auf Grundlage des Lutherschen Katechismus, nach Kurtz. Christliche Religionslehre nach dem Lehrbegriff der evangelischen Kirche.

По русскому языку: 4 урока. Объяснительное чтеніе статей изъ русской хрестоматіи Галахова. Подробное изложеніе синтаксиса по грамматикѣ Антонова. Письменныя упражненія состояли въ письмѣ по диктовкѣ и изложеніи содержанія прочитанныхъ и объясненныхъ образцовъ, съ измѣненіемъ расположенія частей и формы выраженія.

По латинскому языку: 5 уроковъ. Синтаксисъ по Кюперу, съ упражненіями въ составленіи предложеній на объясненныя правила. Изъ Корнелія Непота переведены жизнеописанія I, VII, VIII, IX, XI, XIII, XIV, XVII, XVIII, XXIII, XXV, изъ Евтропія главы 1—55. Письменно переведены съ русскаго на латинскій языкъ легкія статьи изъ руководства Смирнова.

По греческому языку: 6 уроковъ. Подробное объясненіе склоненій именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій; образованіе степеней сравненія; спряженіе глаголовъ чистыхъ, со включеніемъ сокращаемыхъ; главные образцы глаголовъ нѣмыхъ, плавныхъ и кончащихся на .

По алгебрѣ: 2 урока. Четыре дѣйствія надъ дробями. Рѣшеніе уравненій 1-й степени съ одною и многими неизвѣстными, пропорціи, по руководству Давидова III.

По геометріи: 1 урокъ. Предварительныя понятія о треугольникахъ, о перпендикулярныхъ и наклонныхъ, о параллельныхъ и о пропорціональныхъ линіяхъ, по руководству Давидова.

Рѣшеніе легкихъ геометрическихъ задачъ, относящихся къ пройденнымъ отдѣламъ.

По географіи: 2 урока. Отечественная географія, по руководству Бѣлохи. Черченіе картъ.

По исторіи: 2 урока. Систематическій курсъ древней исторіи, по руководству Иловайскаго: Востокъ и Греція.

По французскому языку: 3 урока. Повтореніе всей этимологіи; главные правила синтаксиса, объясненныя примѣрами, данными для упражненій. Устные переводы историческихъ статей изъ Марго; упражненія въ устныхъ и письменныхъ переводахъ историческихъ статей изъ книги для чтенія Паульсона.

По нѣмецкому языку: 2 урока. Изъ книги для чтенія Паульсона устно переведены на нѣмецкій языкъ статьи 381, 398, 403, 407, 409, 423, 427 и изъ второй части русской хрестоматіи Галахова статьи 78 и 79. Правила синтаксиса объясняемы были при чтеніи и устныхъ переводахъ изъ хрестоматіи Ольтрогге. Письменные упражненія состояли въ переводахъ на нѣмецкій языкъ и въ изложеніи содержанія прочитанныхъ статей.

Въ V классѣ.

По закону Божию Православнаго вѣроисповѣданія: 2 урока. Ученіе о богослуженіи.

Лютеранскаго вѣроисповѣданія: 2 урока. *Geschichte der christlichen Kirche vom apostolischen Zeitalter bis zur Reformation nach Kurtz.*

По русскому языку: 2 урока. Стилистика и теорія прозы. Знакомство съ содержаніемъ и формой сочиненій вообще, и съ родами, видами и свойствами прозаическихъ сочиненій — посредствомъ разбора образцовъ изъ хрестоматіи Галахова.

Темы для домашнихъ письменныхъ упражненій: 1) Письмо къ родителямъ о домашнемъ образѣ жизни. 2) Подвиги Ильи Муромца. 3) Пребываніе Садко у морскаго царя. 4) Жизнь Ломоносова въ домѣ отца и бѣгство его въ Москву. 5) Содержаніе и главные черты комедіи „Недоросль“ фонъ Визина. 6) Средневѣковыя открытія и изобрѣтенія. 7) Учиться никогда не поздно. 8) Не откладывай до завтра, что можешь сдѣлать сегодня. 9) Съ кѣмъ поведешься, съ тѣмъ и попадешься. 10) Въ чемъ состоитъ дружба, и отчего такъ мало истинныхъ друзей? 11) Въ чемъ должна выражаться любовь дѣтей въ отношеніи къ ихъ родителямъ?

По славянскому языку: 1 урокъ. Этимологія славянскаго языка по грамматикѣ Перевлѣсскаго. Переводъ съ славянскаго

на русскій языкъ изъ „Изборника“, приложеннаго къ руководству Перевлѣскаго.

По латинскому языку: 6 уроковъ. Изъ Цезаря „De bello gallico“ книги I, II, III, IV и V, гл. 1—10. Изъ Овидія метаморфозъ: лѣт. XII, 1—145, 580—628; XIII, 399—575, 623—704. Практическое повтореніе синтаксиса; главные правила метрики; гекзаметръ. Письменные упражненія состояли въ экстерпориаліяхъ и въ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ изъ руководства Смирнова статей 10, 11, 13, 14, 16 и 18. Устно переведены статьи 19—26, 28, 29, 32, 33, 35.

По алгебрѣ: 2 урока. Возвышеніе въ степени и извлеченіе корней; дѣйствія съ радикалами. Уравненія 2-й степени и неопредѣленные уравненія, по руководству Давидова.

По геометріи: 2 урока. Кругъ. Измѣреніе площадей. Правильные многоугольники. Предѣлы и опредѣленіе окружности и площади круга, по руководству Давидова.

По исторіи: 2 урока. Систематическій курсъ средней исторіи, отъ эпохи переселенія до крестовыхъ походовъ, по руководству Иловайскаго. Изъ русской исторіи: Съ основанія Русскаго государства до княженія Іоанна III, по руководству Иловайскаго.

По французскому языку: 4 урока. Изъ синтаксиса о глаголѣ, нарѣчій, предлогѣ и союзѣ. Устно переведены съ французскаго на русскій языкъ изъ хрестоматіи Фену статьи 1—14, и съ русскаго на французскій языкъ изъ хрестоматіи Галахова статьи 77, 78 и 79, прочитана и переведена: *Bataille de dames de Scribe*. Письменные упражненія состояли въ домашнихъ переводахъ и экстерпориаліяхъ.

По нѣмецкому языку: 4 урока. Книгою для чтенія и переводовъ служила хрестоматія Ольтрогге. Съ русскаго на нѣмецкій переведены устно изъ 1-й части хрестоматіи Галахова статьи 21, 41, 49 и изъ 2-й части ст. 91. Письменные упражненія состояли въ переводахъ и въ сочиненіяхъ на темы: 1) *Eine Hand wäscht die andere*. 2) *Ein Wort — ein Wind*. 3) *Gesundheit ist der grösste Reichthum*. 4) *Unrecht Gut gedeiht nicht*.

Въ VI классѣ.

По закону Божию православнаго вѣроисповѣданія: 1 урокъ. Исторія церкви въ сжатыхъ очеркахъ. Лютеранскаго вѣроисповѣданія: 1 урокъ. *Geschichte der evangelischen Reformation von 1517 bis 1648, nach Kurtz. Angabe der wichtigsten Unterscheidungslehren der verschiedenen christlichen Confessionen*.

По русскому языку: 2 урока. Теорія поэзіи. Ознакомленіе съ родами, видами и формами поэтическихъ произведеній — по средствомъ разбора образцовъ изъ 2-й части хрестоматіи Галахова. Темы для домашнихъ письменныхъ упражненій: 1. Можетъ ли прилежаніе замѣнить недостатокъ способностей? 2. Встань мужа кормить, а лѣнь портить. 3. Что поѣшь, то и пожнешь. 4) Самонадѣянность молодого человѣка ведетъ къ вреднымъ для него послѣдствіямъ въ жизни. 5) Смиреніе паче гордости. 6) На лъстивыя рѣчи не мечись, на грубую правду не сердись. 7) Маловажныя причины часто влекутъ за собою очень важныя послѣдствія. 8) Всякое дѣло мѣра красить. 9) Овліяніи татарскаго владычества на нравы русскихъ. 10) Разсмотрѣніе мыслей въ статьѣ Карамзина „Что нужно автосу“.

По славянскому языку: 1 урокъ. Этимологія и интаксисъ простаго предложенія. Руководство-грамматика Поревлѣскаго. Переводъ съ славянскаго на русскій языкъ изъ „Изборника“.

По латинскому языку: 6 уроковъ. Изъ Тита Ливія 21 книга. Изъ Виргилія вторая пѣснь Энеиды. Изъ руководства Смирнова переведены съ русскаго на латинскій языкъ статьи 25—60. Повтореніе этимологіи и синтаксиса. Письменные упражненія состояли въ задаваемыхъ надомъ переводахъ и экстемпораліяхъ.

По алгебрѣ: 2 урока. Прогрессіи. Общій наибольшій дѣлитель. Биномъ Ньютона. Логарифмы и ихъ примѣненіе.

По геометріи: 2 урока. Стереометрія и различныя задачи, относящіяся къ стереометріи.

По исторіи: 2 урока. Систематическій курсъ новой исторіи до 1648 г.; русская исторія отъ княженія Іоанна III до вступленія на престолъ дома Романовыхъ.

По физикѣ: 2 урока. Свѣтъ, электричество, магнетизмъ и гальанизмъ, по руководству Краевича.

По французскому языку: 4 урока. Подробно объясненъ синтаксисъ. Изъ хрестоматіи Фену переведены статьи 14 — 28, изъ второй части русской хрестоматіи Галахова статьи 73, 77, 79 и 88. Прочтены: *L'Avare de Molière* и *L'Honneur et l'Argent de Ponsard*. Письменные упражненія состояли въ переводахъ, экстемпораліяхъ и сочиненіяхъ на темы: 1) *Caractéristique d'Harpon dans l'Avare de Molière*. 2) *Dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es* 3) *L'union fait la force*. 4) *Causes et consequences de la superstition*. 5) *Plan et idées fondamentales de la comédie de Sandeau „Madoiselle de la Seiglière“*.

По нѣмецкому языку: 4 урока. Изъ второй части хресто-

матіи Галахова переведены статьи 76, 80, 86, 88 89. Кромѣ статей изъ 3-го курса хрестоматіи Ольтрогге прочтены Götz von Berlichingen, das Kätchen von Heilbron, Peter Schlemhil.

Сочиненія на темы: 1) Einmal ist keinmal, 2) Der Einfluss des Meeres auf die Bildung der Wolken. 3) Die Vorläufer der Reformation 4) Mit den Wölfen muss man heulen. 5) Der Aufstand der Böhmen bis zur Schlacht am Weissen Berge. 6) Charakteristik Weislingens in Götz von Berlichingen. 7) Der Einfluss der Buchdruckerkunst. 8) Der Nutzen des Eisens. 9) Kurze Inhaltsangabe des Kätchens von Heilbron.

Въ VII классѣ.

По закону Божію православнаго вѣроисповѣданія: 1 урокъ. Повтореніе всего гимназическаго курса. Лютеранскаго вѣроисповѣданія: 1 урокъ. Geschichte der christlichen Kirche von 1648 bis auf unsere Zeit, mit Angabe der vornehmsten Häresien und Secten der gegenwärtigen Zeit, nach Kurtz.

По русскому языку: 2 урока. Изученіе важнѣйшихъ памятниковъ и произведеній древней и новой русской литературы, съ сообщеніемъ свѣдѣній о жизни писателей и о значеніи ихъ въ исторіи русской литературы. Пособіями служили историческія хрестоматіи Буслаева и Галахова и собранія сочиненій русскихъ писателей. Темы для домашнихъ письменныхъ упражненій: 1) Что нужно имѣть въ виду при выборѣ званія? 2) Чужая душа-потемки. 3) Разсмотрѣніе повѣсти Карамзина „Бѣдная Лиза“. 4) Взглядъ Карамзина на современную ему европейскую жизнь, по „Письмамъ русскаго путешественника“. 5) Русская сатира XVIII столѣтія по сочиненіямъ Сумарокова, Екатерины II и по статьямъ журналовъ: Всякаявсячина, Трутень, Живописецъ 6) Характеристика Фамусова и Чацкаго. 7) Литературное значеніе пѣсенъ Кольцова. 8) Взглядъ Жуковскаго на жизнь и ея счастье, по стихотвореніямъ: „Сельское кладбище“ и „Теонъ и Эхинъ“.

По славянскому языку: 1 урокъ. Славянская грамматика по руководству Перевлѣскаго. Переводы съ славянскаго на русскій языкъ изъ Остромирова Евангелія.

Примѣчаніе. При ознакомленіи съ этимологическими и синтаксическими формами славянскаго языка имѣлось въ виду главнымъ образомъ объяснить происхожденіе и значеніе формъ языка русскаго.

По логикѣ: 1 урокъ.

Формальная логика, по руководству Свѣтилина.

По латинскому Языку: 6 уроковъ.

Cornelii Taciti „Julii Agricolaе vita“, Salusti „Iugurtha“ Изъ Го-
рація изъ I книги 1, 3, 4, 14, 24, 27, изъ II 3, 13, 14, 15, 17
18. Изъ III 1, 30. Изъ IV 3 и Erodoto 2. Изъ руководства
Смирнова переведены съ русскаго на латинскій языкъ статьи
60—90. Повторена вся грамматика. Кромѣ еженедѣльныхъ эк-
стемпоралій сдѣланы сочиненія на темы: 1 Brevis conspectus vitae
Virgilii. 2) De regibus Romae. 3) De magistratibus. 4) Brevis adumbratio
vitae Ciceronis.

По ариѳметикѣ и алгебрѣ: 1 урокъ.

Общее повтореніе.

По геометріи: 1 урокъ.

Повтореніе всей геометріи съ рѣшеніемъ задачъ на постро-
енія и вычисленія.

По тригонометріи: 1 урокъ.

Тригонометрическія величины и ихъ соотношеніе. Рѣшеніе
треугольниковъ. Задачи на тригонометрическія уравненія и на
рѣшеніе треугольниковъ.

По математической географіи: 1 урокъ.

Солнечная система. Земля, ея форма, суточное и годовое
движеніе. Луна, ея движенія, фазы и затмѣнія. Планеты и ко-
меты. Измѣреніе времени.

По исторіи: 2 урока:

Русская исторія отъ царствованія Петра Великаго до за-
ключенія парижскаго мира и новѣйшая исторія до нарижскаго
мира, по руководству Иловайскаго.

По физикѣ: 2 урока. Механическая часть физики. Ученіе
и рѣшеніе задачъ по всѣмъ ея отдѣламъ.

По французскому языку: 4 урока. Переведены этнографиче-
скія и философскія статьи изъ второй части французской хре-
стоматіи Грунера. Съ русскаго на французскій языкъ статьи
80, 91, 93 изъ второй части хрестоматіи Галахова и „Горе
отъ ума“ Грибоѣдова. Прочтены въ классѣ: „Louis XI de Delavigne
и отрывки изъ комедіи Мольера „Les femmes savantes“. Письмен-
ныя упражненія состояли въ экстемпораліяхъ и сочиненіяхъ на
темы: 1) Pierre le Grand comme législateur. 2) Ce qui vient par la
flûte, s'en va par le tambour. 3) Ere de Mahomet. 4) Caractéristique de
l'Avare de Molière. 5) Vouloir c'est pauvre. 6) La Gaule avant les Ro-
mains. 7) Choix d'une vocation.

По нѣмецкому языку: 3 урока. Съ нѣмецкаго на русскій
языкъ переведены отрывки изъ Тридцатилѣтней войны Шиллера
и комедія Клейста: „Der zerbrochene Krug“; съ русскаго на нѣ-

мецкїи статьи 81 и 313 изъ второй части хрестоматїи Галахова и отрывки изъ драмы Пушкина: „Борисъ Годуновъ“.

Сочиненїя сдѣланы на темы: 1) Elisabeth von England. 2) Die Blüthezeit Athens. 3) Menschikow. 4) Katharina II. 5) Wie gewonnen, so zerronnen. 6) Russland vor und nach der Mongolenherrschaft. 7) Ehrlich währt am längsten. Кромѣ того переведены письменно нѣсколько отрывковъ изъ статьи „Очерки Швеціи“ (2-я часть хрестоматїи Галахова).

По закону Божию Римско-католическаго вѣроисповѣданїя: 2 урока для учениковъ всѣхъ классовъ: ученїе о христіанской вѣрѣ, по катихизису Стацѣвича. Священная исторїя ветхаго и новаго завѣта.

Объ учащихся.

Въ началѣ 187^{1/2} учебнаго года въ Александровской гимназіи было 216 учениковъ, а именно:

въ приготов. классѣ . . .	30	учениковъ.
„ I . . .	40	„
„ II . . .	39	„
„ III . . .	35	„
„ IV . . .	28	„
„ V . . .	20	„
„ VI . . .	16	„
„ VII . . .	8	„

Итого . . . 216 учениковъ.

Изъ нихъ по вѣроисповѣданїямъ:

	Приг.	I	II	III	IV	V	VI	VII	Итого.
Православныхъ	17	23	20	23	16	15	8	7	129.
Старообрядцевъ	—	—	—	1	—	—	—	1	2.
Лютеранъ	6	8	6	3	5	5	4	—	37.
Реформатъ	—	—	1	—	—	—	—	—	1.
Католиковъ	3	6	9	3	3	—	2	—	26.
Евреевъ	4	3	3	5	4	—	2	—	21.
Всего	30	40	39	35	28	20	16	8	216.

По сословіямъ:

	Приг.	I	II	III	IV	V	VI	VII	Итого.
Изъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ	10	11	16	14	17	8	4	4	84.
Изъ духовнаго званїя	2	2	5	4	2	2	4	—	21.
Изъ городскихъ сословій	15	27	16	16	8	4	5	4	95.
Изъ крестьянъ	3	—	2	1	1	6	3	—	16.
Всего	30	40	39	35	28	20	16	8	216.

Плата за обученіе въ Александровской гимназіи 20 рублей въ годъ. За уроки рисованья 3 руб. въ годъ.

Безплатно посѣщали гимназію: а) по бѣдности 21 ученикъ, б) какъ дѣти лицъ служащихъ при учебныхъ заведеніяхъ 11 учениковъ. Кромѣ того за одного ученика внесъ плату за ученіе Его Сіятельство Господина Прибалтійскій Генераль-Губернаторъ, князь Петръ Романовичъ Багратіонъ, и одинъ ученикъ получилъ стипендію Θεοφана Парфеньевича Большакова.

Недостаточные ученики пользовались учебниками изъ учрежденной для того особой библіотеки, состоявшей въ истекшемъ году изъ 374 учебниковъ, 46 названій, на сумму 401 р. 3 коп.

Въ продолженіи года выбыли изъ гимназіи до окончанія курса 16 учениковъ, поступили 10. Такимъ образомъ къ концу 1871/2 учебнаго года наличное число учениковъ 210.

Библіотеки, кабинеты и учебныя пособія.

Фундаментальная библіотека состоитъ изъ 784 сочиненій въ 1739 томахъ, на сумму 3191 р. 55 к., ученическая изъ 55 сочиненій въ 118 томахъ, на сумму 146 р. 49 к.

Учебныхъ пособій: глобусовъ, ландкартъ, рисунковъ, прописей и проч. 247 номеровъ, на сумму 206 р. 90 к.

Въ физическомъ кабинетѣ 179 номеровъ, на сумму 2308 р. 60 к., а въ кабинетѣ естественныхъ наукъ 62 номера, на сумму 311 р. 20 к.

Посѣщенія гимназіи.

Въ прошедшемъ учебномъ году гимназія нѣсколько разъ посѣждаема была Его Превосходительствомъ Господиномъ Попечителемъ Дерптскаго Учебнаго Округа и Его Превосходительствомъ Господиномъ Помощникомъ Попечителя.

Программа акта, 15-го іюня 1872 г.

въ 11 часовъ утра.

Послѣ пѣнія молитвы исправляющій должность инспектора, Коллежскій Совѣтникъ Москвинъ откроетъ актъ рѣчью.

Тогда будутъ говорить ученики гимназіи:

Петръ Тележниковъ по латыни.

Александръ Аѳанасьевъ по французски.

Павель Терешенковъ по русски.

Георгій Спирихинъ по нѣмецки.

и прочѣтъ будетъ учениками гимнъ:

„Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ.“

За тѣмъ директоръ гимназіи объявитъ имена учениковъ, переведенныхъ въ слѣдующіе классы, и вручитъ аттестаты окончившимъ курсъ:

- 1) Александру Штанге, 18 лѣтъ.
- 2) Павлу Терешенкову, 17 лѣтъ.
- 3) Петру Тележникову, 21 года.
- 4) Александру Аѳанасьеву, 18 лѣтъ.

Въ заключеніи акта ученики пропоютъ народный гимнъ.

Боже, Царя храни!

Педагогическій Совѣтъ Александровской гимназіи покорнѣйше проситъ всѣхъ, принимающихъ участіе въ дѣлѣ образованія юношества, почтить предстоящій училищный праздникъ своимъ присутвіемъ.

Директоръ Гамбурцовъ.

ХАРАКТЕРЪ И РАЗВИТІЕ
Р И М С К О Й С А Т И Р Ы .

Разсужденіе

Д. И. Нагуевскаго,
Преподавателя Александровской Гимназіи.

Da veniam scriptis, quorum non gloria nobis
Causa, sed utilitas officiumque fuit.

Ovid.

Глава первая.

Римская Сатира до Августа.

Satira quidem tota nostra
est in qua primus insignem
laudem adeptus est Lucilius.
Quint., Instit. Or. X, 1, § 93.

1. **П**ослѣ покоренія Греціи, искусство поэзіи, до того времени имѣвшее уже зачатки у Римлянъ, подъ влияніемъ побѣжденныхъ Эллиновъ начало все болѣе и болѣе развиваться въ грубомъ Лаціумѣ. Нѣкоторые поэты не только самое содержаніе и матеріалъ, но даже форму и размѣръ въ значительной степени заимствовали у Грековъ.¹⁾ Кто не знаетъ, сколько Виргилій, глава римскихъ эпиковъ, обязанъ Гомеру; сколько Гораций Алкману, Аллею и другимъ греческимъ Лирикамъ; а Плавтъ и Теренцій писателямъ средне-аттической комедіи.²⁾ Наконецъ, сколь много трагическіе поэты подражали Грекамъ, а въ особенности Эврипиду, на что указываютъ какъ самыя заглавія потерянныхъ сочиненій, такъ и дошедшія до насъ трагедіи. Одинъ только родъ поэзіи „Satura“ явился чисто-національною отраслю римской литературы, не заимствованною отъ Грековъ. Но уже нѣкоторые изъ древнихъ грамматиковъ и ученыхъ самое названіе Сатуры и этотъ родъ стихотворенія производили отъ греческой сатирической драмы, считая послѣднюю какъ бы родоначальницею римской Сатуры. Разсматривая однакожъ внимательно происхожденіе слова „Satura“, его значеніе, свидѣтельства римскихъ писателей о первоначальномъ характерѣ этого рода поэзіи и характеръ греческой сатирической драмы, мы можемъ вполне убѣдиться въ ея исключительной принадлежности римскому народному творчеству.

2. По свидѣтельству древнихъ писателей, римскій характеръ съ отдаленнѣйшихъ временъ склоненъ былъ къ насмѣшкѣ и по

¹⁾ Horat. Epist. II, 1, 156 sq.

²⁾ Cf. Terent. prol. ad Adelph. 11.

рицанію другихъ. Такъ Горацій рассказываетъ, что послѣ уборки хлѣба римляне, во время праздниковъ, не только благодарили боговъ за обильную жатву, но даже имѣли обыкновеніе, въ веселомъ настроеніи, особымъ родомъ шуточно-насмѣшливой поэзіи „фесценнинскими стихами“¹⁾ забавлять и дразнить присутствовавшихъ на празднествѣ. Эти стихи были нескладны, шероховаты, составлены безъ всякой связи и размѣра. Произнесеніемъ ихъ римляне не ограничивали своей страсти задѣвать другихъ, но при удобномъ случаѣ не спускали и знатнымъ лицамъ, подшучивая даже надъ полководцами, совершающими триумфъ.²⁾ Все это покаываетъ, что римскому характеру свойственъ былъ извѣстный юморъ, или скорѣе колкость и ѣдкая насмѣшка. Поэтому неудивительно, что родъ поэзіи, имѣвшій предметомъ порицаніе человѣческихъ слабостей и пороковъ, охотнѣе другихъ обрабатывался римскими писателями и достигъ у нихъ вполне самостоятельнаго развитія. По свидѣтельству Ливія, происхожденіе свое онъ получилъ изъ упомянутыхъ фесценнинскихъ стиховъ совершенно случайнымъ образомъ. Въ 364 г. до Р. Х. (390) при консулахъ Каѣ Сульпиціи Петикъ и Каѣ Лидиніи Столонъ, въ Римѣ свирѣпствовала моровая язва. Ни мольбы, ни жертвоприношенія, не могли умирить гнѣва боговъ и граждане рѣшились умоливать ихъ, прибѣгнувъ къ сценическимъ зрѣлищамъ, еще не виданнымъ въ Римѣ. Съ этою цѣлью они пригласили актеровъ изъ сосѣдней Этруріи. Представленія ихъ были весьма просты, необработаны и состояли изъ пляски подъ музыку по Этрасскому обычаю; ни правильнаго размѣра стиховъ, ни соотвѣствующихъ имъ движеній они еще не усвоили.³⁾ Эти иноземныя забавы понравились римской молодежи, и она стала подражать имъ, перебрасываясь, со свойственною ей характеру веселостью, нескладными шуточными изрѣченіями, и стараясь самыя движенія согласовать съ словами.⁴⁾ Подъ этими смѣшанными или нескладными сти-

1) Horat., epist. II, I, 139 sq. О „versus fescennini“ см. Corssen, Orig. poësis Roman. Berol. 1846. стр. 124 и слѣд.

2) Cf. Plin., Hist., N. XIX, 41, 3; Liv., III, 29; IV, 20, 53; V, 49; X, 30; XXVIII, 9; Suet. Caes. 49; Horat., Sat. II, 1, 82; Cic. Tusc. IV, 2, 4. de Republ. IV, II. — Versus ludicri in Romanorum Caes. priores olim compositi — ed. G. Bernstejn. Halis Sax. 1810. Corssen, op. cit. p. 133 sq.

3) Liv., lib. VII, 2 §§ 1, 4.

4) Id., ib., § 5: imitari deinde eos juvenus simul inconditis inter se iocularia fundentes versibus coepere; nec absoni a voce motus erant.

хами, versus inconditi, Ливій очевидно разумѣетъ фесценнины, что ясно изъ дальнѣйшаго хода его повѣствованія.¹⁾ Вскорѣ эти грубые и необдѣланные стихи начали получать болѣе опредѣленную форму, размѣръ ихъ сдѣлался правильнѣе и звуки его стали соответствовать музыкѣ и мимикѣ. Такъ возникли древнія „Saturnae“, отличающіяся отъ фесценниновъ тѣмъ, что не были болѣе „incompositae et rudes“, какъ послѣднiе, но „modis impletae“, а слѣдовательно ритмическія.²⁾ Ихъ содержаніе заключалось въ осмѣяніи лицъ и характеровъ, а также въ намекахъ на общественныя отношенія: здѣсь въ шуткѣ говорили правду;³⁾ но единства, постепеннаго развитія и общей связи между отдѣльными пѣснями не существовало: содержаніе, какъ и фесценниновъ, оставалось весьма разнообразнымъ, сатирическимъ.⁴⁾

3. Такой характеръ Сатура сохранила не долго. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея перерожденія изъ фесценнинскихъ импровизаций⁵⁾, именно въ 240 до Р. X. (514), Ливій Андроникъ, родомъ Грекъ изъ Тарента⁶⁾, первый внесъ единство и порядокъ въ разрозненный и пестрый матеріалъ Сатуры; онъ замѣнилъ ее дѣйствительною драмою⁷⁾, „primus fabulam docuit“⁸⁾, которая не смѣшивала подобно древней Сатурѣ различныя сюжеты, но имѣла опредѣленное и связанное содержаніе.⁹⁾

4. Изъ сказаннаго видимъ, что Сатура, въ своей первоначальной формѣ, составляла переходную ступень между несвязными, безыскусственными шутками и импровизаціями и искусственною драмою. Какъ достояніе италійскаго творчества, какъ продуктъ народнаго характера, она не была забыта съ распространеніемъ послѣдней: римская драма въ греческомъ хитонѣ не вытѣснила народнаго, жизненнаго фарса. По свидѣтельству Ливія

¹⁾ Ibid. § 7: non sicut ante fescennino versu....

²⁾ Liv., l. c. §§ 5, 7.

³⁾ E. Munk, Geschichte d. Römischen Literatur, Berlin, 1861, T.I p. 59.

⁴⁾ Joh. Bähr, Geschichte der Röm. Liter. 4. Aufl. Erster Bd. Carlsruhe, 1868. p. 178.

⁵⁾ Liv., l. cit., § 8. post aliquot annos.

⁶⁾ См. A. Döllen, de Vita Livii Andronici. Dorpat, 1838.

⁷⁾ Liv. ib., § 8: ab saturis ausus est primus (sc. Livius) argumento fabulam serere.

⁸⁾ Выраженіе Цицерона, Brutus, XVIII. Cf. de Senectute, XIV.

⁹⁾ Cf. Val. Max., II, 4. 4. Dion. Halic. Antiq. Rom. VII 9.

римская молодежь, тогда еще не брезгавшая нравами и обычаями стараго времени, съ распространеніемъ пьесъ Андроника, нашла случай по прежнему забавляться шуточными импровизаціями въ духъ древней Сатуры¹⁾. У сосѣднаго римлянамъ народа, кампанскихъ Самнитовъ или Осковъ, былъ въ большомъ ходу родъ народно-забавной комедіи, получившій названіе Ателланъ (fabulae Atellanae) отъ кампанскаго города Atella²⁾, теперешней Aversa³⁾. Характеръ ихъ, представляя картины сельской жизни, отличался преимущественно колкостью и веселостью, иногда грубыми остротами; въ нихъ первый разъ выводились на сцену простонародные типы, маски, олицетворявшія тѣ странности и поступки, которые болѣе всего бросались въ глаза народу. Такъ Massus являлся какъ глупая, скупая личность; Vissus былъ болтунъ и обжора; Pappus скупой старикъ, обманутый женою, а Dossenus представлялъ типъ предсказателя и хитреца⁴⁾. Слѣды этихъ четырехъ типовъ сохранились и въ новѣйшей итальянской комедіи. Кромѣ нихъ въ Ателланахъ были и другія фигуры, пугала, мормоликіи и т. под.⁵⁾.

5. Изъ приведеннаго ясно, что Ателланы, какъ и Сатуры, составляютъ чисто національный продуктъ итальянскаго народнаго духа и творчества. Свидѣтельство Ливія и самое развитіе Ателланъ положительно устраняютъ всякую возможность смѣшенія ихъ съ греческою сатирическою драмою, которое навязываютъ имъ два древніе грамматикѣ Диомедъ и Марій Викторинъ, на основаніи одного только между ними сходства — смѣшить зрителей, и нѣкоторой соотвѣтственности въ метрѣ⁶⁾: внутреннее содержаніе, лица и ихъ характеры отпечатлѣны чисто итальянскимъ, а не греческимъ колоритамъ: въ Ателланахъ дѣйствовали *personae Oescae*, а не Сатуры⁷⁾.

6. Соотвѣтствуя характеру и духу народа, Ателланы рано привились на римской почвѣ. Римская молодежь, предоставивъ исполненіе драмы актерамъ по званію, т. е. Гистріонамъ, сама распредѣляла между собою роли въ Ателланахъ, и они скоро

1) Liv. VII, 2 § 11.

2) См. Weissenborn, ad Liv. VII, 2 § 11—12. (3. Aufl. Berlin, 1869).

3) Recherche storice sulla origine, le vicende e la rovina di Atella, opere postume dell' Alb. Vincenzo de Muro. Napoli, 1840.

4) Val. Max., II. 4. 4. Cic., ad Famil., IX, 15. Über die Atellanischen Schauspiele der Römer. Ein Versuch von C. Schober. Leipzig, 1825, p. 14 sq.

5) См. Ed. Munk, Gesch. d. R. Lit., I, стр. 61 и слѣд.

6) Diomed., lib. III p. 487. ed. Putsch Marius Victorinus, de jambico metr. II.; de trim. vers. jamb. lib. III.

7) E. Munk, de fab. Atellan. Lipsiae, 1840, p. 76 sq.

сдѣлались любимой забавой народа¹⁾, удержавшись на римской сценѣ, не смотря на одновременное развитіе съ ними драмы, даже во времена Императоровъ²⁾ Къ этой народной комедіи примкнула теперь древняя Сатура, измѣнивъ свое первоначальное названіе на *Exodia*. Это были тѣже народные фарсы, которые хотя и отличались отъ Ателланъ, но почти всегда къ нимъ присоединялись³⁾; въ этомъ значеніи и Ювеналь⁴⁾ употребляетъ выраженіе „*exodium Atellanae*.“ Схولیастъ его поэтому несправедливо замѣчаетъ⁵⁾, что „*Exodiarius apud veteres in fine ludorum intrabat, quâ ridiculus foret; ut quidquid lacrymarum atque tristitiae coegissent ex tragicis affectibus, hujus spectaculi risus detergeret*“, такъ какъ характеръ ателланъ не былъ печальный, но веселый и колкій. Ошибка стариннаго комментатора произошла, по всей вѣроятности, отъ того, что онъ не понялъ происхожденія ателланъ, а потому и экзодіямъ приписалъ характеръ, свойственный греческой сатирической драмѣ⁶⁾.

7. И такъ ясно, что древне-римская Сатура въ цѣломъ своемъ развитіи вовсе не заимствована у Грековъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и два важнѣйшія свидѣтельства Горация и Квинтиліана. Первый называетъ сатиру родомъ поэзіи, неизвѣстнымъ Грекамъ⁷⁾, второй утверждаетъ, что она всецѣло принадлежитъ Римлянамъ, *Satira tota nostra est*⁸⁾. Съ этими показаніями согласуется самое происхожденіе и значеніе слова *Satura*. Выше мы видѣли, что она не имѣла опредѣленнаго содержанія, но заключала всевозможную смѣсь. Это подтверждаютъ и всѣ свидѣтельства грамматиковъ, изъ которыхъ видимъ, что слово *Satura* употреблялось для обозначенія чего-либо смѣшаннаго и составнаго. Такъ древній схولیастъ Горация⁹⁾ замѣчаетъ: „*Lanx plena*

¹⁾ Liv., VII, 2 § 11—12. Bähr, *Gesch. d. Röm. Lit.* 4. Aufl. I Th. p. 174.

²⁾ Suet., Tib., 43, 75; Calig. 27; Nero, 39; Galb. 13. Petron. *Satiric.* §§ 53, 68.

³⁾ Liv., § 11: — *juventus, histrionibus fabellarum actu relicto, ipsa inter se more antiquo ridicula intexta versibus jactitare coepit, quae inde exodia postea appellata consertaque fabellis potissimum Atellanis sunt.* — Cf. Keller, *de lingua et exodiis Atellanarum.* Bonn. 1850.

⁴⁾ Sat., VI, 71. Cf. Suet. Tib. 34: *in Atellanico exodio.*

⁵⁾ Schol. ad Juv., III, 175.

⁶⁾ Странно, что такой солидный филологъ, какъ Ge. Ruperti въ своихъ комментаріяхъ къ Ювеналу (Gottingae, 1803), не обратилъ вниманія на это мѣсто схولیаста, а привелъ его вполнѣ добродушно, стр. 73.

⁷⁾ Sat., I, X, 64:

..... fuerit Lucilius, inquam,
comis et urbanus, fuerit limatior idem,
quam rudis et Graecis intacti carminis auctor.

⁸⁾ Quint., *Inst. Or.* X, 1, § 93.

⁹⁾ Ad Sat. I, 1, *vr.* 1.

diversis frugibus in templum Cereris infertur, quae Saturae nomini appellatur“; а Диомедъ¹⁾ „Satura dicta sive a Satyris, quod similiter in hoc carmine ridiculae res pudendaeque dicuntur, quae velut a Satyris proferuntur et fiunt, sive Satura a lance, quae referta variis multisque primitiis in sacra apud priscos dis inferebatur; et a copia et Saturitate rei Satura vocabatur“. Отъ сходства съ этимъ блюдомъ (lanx) и все остальное смѣшанное и составное получило названіе Сатуры. Вотъ почему Диомедъ сатиру Варрона называетъ „начинкою, изюмомъ и ячменною крупю“, farsimen, uva passa et polenta²⁾. Значеніе этого слова столь широко было распространено, что его употребляли въ переносномъ смыслѣ для опредѣленія различнаго смѣшенія. Такъ у юристовъ встрѣчаемъ выраженіе „per Saturam legem ferre“, т. е. „una rogatione multa confuse, nullo ordine aut distinctione proponere.“ Это значеніе подтверждаетъ Титъ Анній Люскъ въ рѣчи противъ Тиберія Гракка. Онъ говоритъ: „Imperium, quod plebs per Saturam dederat id abrogatum est“, такъ какъ къ одному вопросу беспорядочно было присоединено и многое другое. Подобнымъ образомъ и слова Саллустія) „per Saturam exquisitis sententiis“ означаютъ, что никакой порядокъ не былъ соблюдаемъ при разборѣ послѣднихъ. Такое значеніе этому слову приписалъ и Юстиніанъ⁴⁾, у котораго находимъ слѣдующее: „Nos opus legentibus tradebatur non secundum edicti perpetui ordinationem, sed passim et quasi per Saturam collectum.“ Далѣе у Харизія, грамматика V вѣка нашей эры, читаемъ:⁵⁾ „Adverbium Stoici *πανδέκην* vocant; nam omnia in se capit, quasi collecta per saturam, concessa sibi rerum varia potestate.“ Наконецъ по свидѣтельству Феста⁶⁾, слово Satura было принимаемо въ значеніи стихотворенія, въ которомъ различные метры и содержаніе были перемѣшаны. Онъ говоритъ: „Satura est cibi genus ex variis rebus conditum ut lex multis aliis conferta legibus et genus carminis ubi de multis rebus disputatur.“ Это подтверждаетъ и Порфиріонъ) а въ особенности Ювеналь, слѣдующими стихами⁸⁾:

Quidquid agunt homines, votum, timor, ira, voluptas,
Gaudia discursus, nostri est farrago libelli;

1) III, p. 403 Putsch; p. 485 k. Cf. Virg. Ge. lib. II, 194 u 394. Lydus de mens. p. 30, ed Rom.: *σάτουρα τὸ καλοῦν ἐπὶ τῶν ἱερῶν.*

2) In libr. II Plautinarum quaestionum.

3) Jugurth., XXIX.

4) In praef. in Pandect.

5) Cf. Charis. col. 175.

6) S. v. Satura.

7) Ad Hor. Sat., I, 1. 1.

8) Sat., I, 85.

„Farrago“ собственно означая родъ пищи, различнымъ образомъ смѣшанной и составленной¹⁾, прекрасно совпадаетъ съ значеніемъ слова Сатура²⁾. И такъ, на основаніи предвѣдущаго, мы, безъ всякаго колебанія, можемъ приписать родъ сатирической поэзіи единственно изобрѣтательности римскаго генія.³⁾

8. Тѣмъ не менѣе два древніе грамматика Диомедъ и Эвантій⁴⁾, заблаженныя сходствомъ слова, задумали произвести сатуру отъ греческой сатирической драмы, и вмѣсто *и* или *і*, писать *у*. Ихъ мнѣнію, кромѣ изложеннаго выше, противорѣчить слѣдующее: порицаніе человѣческихъ дѣйствій и ѣдкая насмѣшка, свойственная, какъ было показано прежде, древнеримской Сатурѣ, передавалась у Грековъ не словомъ *σατυρίζειν*, многими другими, какъ *σκόπτειν*, *διασύρειν*, *κωμωδεῖν*, *λαμβίζειν*, слово-же *σατυρίζειν* принималось у нихъ совершенно въ другомъ значеніи⁵⁾. Кромѣ того едва ли понятно, почему не была удержана греческая сатирическая форма, если отъ Греческихъ сатировъ произошло названіе Satura. Для опроверженія показаній Эвантія и Диомеда, важно еще то, что Римляне, прежде чѣмъ познакомились съ греческою Наукою, уже употребляли упомянутое слово, такъ какъ со времени Кая Сульпиція Петика и Кая Лицинія Столона, при которыхъ, римская молодежь усвоила себѣ форму древней Сатуры, до Ливія Андроника, познакомившаго Римлянъ съ греческою ученостью, прошло болѣе столѣтія⁶⁾. И самое имя Сатировъ не было даже извѣстно Римлянамъ въ древнѣйшее время; этихъ полевыхъ боговъ они называли Фаунами, а не Сатирами.

9. Переходъ буквы *и* въ *і* въ словѣ Satura на Satira весьма обыкновененъ въ латинскомъ языкѣ. Подобнаго рода примѣры очень часто попадаются какъ на надписяхъ, такъ и у древнихъ писателей, а именно: *cluens*, *lubido*, *surrupio*; *maxumus*, *decumus*, *legitumus*, *caputalis*; *existumare*, *sacrificare*, *lucet* (вм. *licet*), *lubet* и др.

¹⁾ Cf. Varro R. R. II, 7. 13; Plin., XVIII, 16; Paul. Diac. 91.

²⁾ Cf. Casaub. ad Rom. Sat. pag. 257. Wyttenbach, Opuscul. select. ed. Friedemann, I, p. 388 sq.

³⁾ Еще менѣе сходства и связи римская сатира имѣетъ съ греческими *Σάλλοι*, стихами, которыми осмѣивались философы, Ge. Ruperti, De Satira Romanorum, Gotttingae, 1803, p. 32—33.

⁴⁾ Diomed., p. 483, III; P. Evanthius, T. I, p. XIII der Ausgabe des Terentius von Klotz, Lipsiae, 1838.

⁵⁾ Cf. Griechisch-Deutsches Wörterb. von C. Jacobitz und E. Seiler, 2. Aufl. Leipzig, 1862.

⁶⁾ См. выше 2 и 3.

10. Изложивъ предъидущее, я приступаю къ очерку характера произведеній сатирическихъ писателей, обращая вниманіе на внутреннее настроеніе каждаго изъ нихъ, на условія ихъ быта и время, въ которое они жили: ибо нѣтъ ни одного рода поэзіи, который бы могъ считаться болѣе продуктомъ времени, какъ сатира; ея характеръ зависитъ отъ направленія общества, его строя, жизни, убѣжденій и главныхъ руководителей: въ ней ясно отражается эпоха и ея дѣятели.

11. Хорошо знакомый съ греческою наукою Энній¹⁾ много трудился въ различныхъ родахъ прозы и поэзіи. Сколько онъ написалъ книгъ сатиръ неизвѣстно; по Донату²⁾, онъ оставилъ ихъ шесть. Этому свидѣтельству противорѣчитъ показаніе схолиаста Горація³⁾, утверждающее о четырехъ книгахъ. Такъ думаетъ и новѣйшій ученый Ильтгенъ⁴⁾, приводящій и заглавія четырехъ книгъ: Praecepta, Epicharmus, Scipio и Sota. Но быть можетъ у схолиаста Горація описка, и вмѣсто VI поставлено IV. Относительно характера сатиръ Эннія ничего положительнаго нельзя сказать за недостаткомъ точныхъ и подробныхъ показаній древнихъ писателей. Вѣрно только то, что его сатира изобиловала большимъ разнообразіемъ содержанія, которому соотвѣтствовалъ и всевозможный родъ стиховъ. Это ясно, какъ изъ сохранившихся отрывковъ, такъ и изъ слѣдующихъ словъ Квинтиліана:⁵⁾ „Alterum illud et jam prius Saturae genus, sed non sola carminum varietate, mixtum condidit M. Terentius Varro“; ибо слова „jam prius genus“ очевидно относятся къ Эннію. Свидѣтельство приведеннаго автора подтверждаетъ и Диомедъ⁶⁾. Разнообразіе метровъ, употребляемыхъ Энніемъ, видно изъ отрывковъ, сохраненныхъ намъ Ноніемъ: въ одной и той-же книгѣ мы найдемъ и Геройческій стихъ и ямбическій триметръ. Это подтверждаетъ и слѣдующее свидѣтельство Геллія:⁷⁾ „Hunc Aesopi apologum Q. Ennius in satiris scite admodum et venuste versibus quadratis composuit, quorum duo pastremi isti sunt, quos habere cordi et memoriae operae pretium esse sane puto:

¹⁾ Онъ род. въ Калабрія въ 239 г. до Р. X., ум. 169 См. Der Dichter Q. Ennius in Sardinien, auf dem Aventin zu Rom, in Aetolien, sein römisches Bürgerrecht und sein Verhältniss zur römischen Aristokratie. Von Fr. Ritter, in d. Zeitschr. f. d. Alterthumswissensch. 1840. № 45—48.

²⁾ Ad Ter. Phorm., II, 2, 25.

³⁾ Schol. Porphy. ad Hor. Sat., I, X, 66.

⁴⁾ Iltgen, Luciliana, Bonn, 1865, pag. 15, у Bähra, Gesch. d. röm. Liter. 4. Aufl. T. I. p. 351, Nota 28.

⁵⁾ Instit. Or., X, 1, § 95. Cf. IX, 2, 35. Jahn, ad Pers. p. LXV, not. 2.

⁶⁾ III, pag. 482 Putsch: „Satira.... olim carmen, quod ex variis poematis constabat, quale scripserunt Pacuvius et Ennius.“

⁷⁾ Noct. Att. II, 29; Cf. id., XVIII, 2.

Hoc erit tibi argumentum semper in promptu situm,
Né quid expectés amicos, quód tute agere possies.“

Хотя этого и недостаточно, чтобы съ точностью опредѣлить характеръ Эннiевой сатиры, но все таки ясно, что она во многомъ отличалась отъ древней римской Сатуры: ибо сохранивъ прежнее разнообразiе стиховъ и содержанiя, она далека была отъ всякихъ насмѣшекъ и шуточныхъ фразъ, а заимствуя материалъ изъ жизни и имѣя цѣлью общественную пользу и нравы людей, усвоила себѣ Дидактическiй характеръ¹⁾.

12. О Сатирѣ Пакувiя, племянника Эннiя²⁾, мы ничего не знаемъ, развѣ только то, что она была одинаковаго характера съ Эннiевою. За исключенiемъ приведеннаго въ предъидущемъ параграфѣ мѣста Диомеда, болѣе объ ней не находимъ никакихъ указанiй.

13. Къ сатирѣ Эннiя ближе всего характеромъ сатира Варрона³⁾. Поэтому прежде чѣмъ приступимъ къ Луцилю, считаемъ не лишнимъ указать на сходство между упомянутыми двумя писателями. Варронъ такъ славился своего ученостью, что Квинтилианъ⁴⁾ называетъ его ученѣйшимъ изъ Римлянъ. Къ несчастiю сатира римскаго энциклопедиста не дошла до насъ. По сохранившимся отрывкамъ и свидѣтельствамъ древнихъ авторовъ, не трудно доказать, что она имѣла много сходства съ Эннiевою, въ особенности по содержанiю, способу изложенiя и употребленiю отдѣльныхъ словъ. Для опредѣленiя ея характера преимущественно важно для насъ свидѣтельство Квинтилиана, изъ котораго видно, что характеръ Сатиры Варрона былъ такой-же, какъ Эннiя и Пакувiя⁵⁾; отличiе состояло въ томъ, что Варронъ примѣшивалъ и прозу къ своимъ произведенiямъ⁶⁾. Что-же касается до самаго содержанiя сатиръ, то оно гораздо разнообразнѣе, чѣмъ у Эннiя. Варронъ не только преслѣдовалъ пороки людей, ихъ необдуманность, скупость, безчестность и измѣну, но даже касался философи, поэтическаго искусства, исторiи, грамматики и миѳологiи⁷⁾. Но не въ одномъ материалѣ Варронъ подражалъ Эннiю, и въ употребленiи отдѣльныхъ словъ (difficul

¹⁾ Petermann, über d. Ursprung und Begriff der Röm. Satire. Programm. Gross-Glogau, 1855, pag. 26 sq.

²⁾ Онъ род. въ 220 до Р. X., ум. 140. См. Annibal di Leo: Memorie di M. Pacuvio, antichissimo poeta tragico. Napol. 1763.

³⁾ См. о немъ прекрасное изслѣдованiе G. Boissier: Études sur la vie et les ouvrages de Varron, Paris, 1861.

⁴⁾ Instit Or., X,1,§95. Cf. Cic. ad. Att., XIII, 18.

⁵⁾ Quint., I. c.: „Alterum illud et prius saturae genus sed non sola carminum varietate mixtum condidit Ter. Varro, vir Romanorum eruditissimus.

⁶⁾ На что, какъ кажется указываютъ слова Квинтилиана: non sola etc. (I. c.).

⁷⁾ M. T. V. Saturarum Menipperum Reliquiae. Rec. A. Riese. Lipsiae, 1865

fastidiliter, caperata frons, bubulcitari, commalaxare и др). существует большое сходство между сочинениями этих двух ученых¹⁾.

14. На сколько Варронъ обязан греческому философу Мениппу²⁾, ясно изъ того, что онъ самъ называлъ свои Сатиры „Menippeas“. Объ этомъ сообщаютъ намъ Авлъ Геллій³⁾ и Цицеронъ⁴⁾, изъ показаній которыхъ можно заключить, что произведенія Варрона состояли изъ смѣси, заимствованной изъ различныхъ наукъ. По свидѣтельству Атеней⁵⁾, нѣкоторые ложно стали считать Варрона ученикомъ Мениппа и даже его родственникомъ, что впрочемъ было опровергнуто грамматикомъ Пробомъ⁶⁾. Такъ какъ изъ приведенныхъ свидѣтельство ясно, что Варронъ, въ своихъ сатирахъ подражалъ Мениппу, то поэтому необходимо взглянуть на характеръ произведеній послѣдняго. Объ немъ узнаемъ изъ Страбона⁷⁾, который говоритъ, „ἐκ τῶν Γαδάρων ἦν Μελέαγρος καὶ Μένιπλος ὁ σπουδαγελοῖος“ и Диогена Лаэртія⁸⁾ сообщающаго, „φέρει μὲν οὖν σπουδαῖον οὐδὲν τὰ δὲ βιβλία αὐτοῦ πολλοῦ γέλωτος γέμει καὶ τι ἴσον τοῖς Μελεάγρου, τοῦ κατ' αὐτὸν γενομένου“.

15. Предложенный очеркъ я считаю достаточнымъ для опредѣленія характера Варроновой сатиры. Послѣдняя представляя смѣсь изъ прозы и стиховъ, греческаго и латинскаго, серьезнаго и шутиваго, едва-ли можетъ быть отнесена къ разряду поэзи; она скорѣе принадлежитъ къ какимъ-то аномаліямъ въ римской литературѣ, тѣмъ болѣе насъ поражающимъ, что задолго до нихъ Луцилій⁹⁾ доставилъ латинской поэзи изящную форму сатиры, которую въ общихъ чертахъ сохранили и позднѣйшіе писатели. Пользуясь дружбою молодаго Сципіона Африкан-

¹⁾ Gerlach, Proleg. ad. Lucil., p. CV.

²⁾ Онъ жилъ около CLX Олимпіады и былъ родомъ изъ Гадаръ, города Финикіи. См. Fr. Ley: De Vita scriptisque Menippi Cynici et de Satira M. T. Varronis. Colon. 1843.

³⁾ Noct. Att. II, 18: „Servus Menippus fuit, cujus libros M. Varro in satiris aemulatus est, quas alii cynicas, ipse appellat Menippeas.“

⁴⁾ Acad., I, 2: „Et tamen in veteribus nostris, quae Menippum imitati, non interpretati, quadam hilaritate conspersimus, multa admixta ex intima philosophia, multa dicta dialectice, quae quo facilius minus docti intelligerent, jucunditate quadam ad legendum invitati, in laudationibus in iis ipsis antiquitatum proaemiis philosophiae, scribere volumus, si modo consecuti sumus.“ См. id., ib., I, 3.

⁵⁾ Deipn. lib., IV, p. 160. c.: „μὲννηται τῆς παροιμίας καὶ ὁ ἕμος προπάτωρ Οὐάγγρον, ὁ Μενίππειος ἐπικαλοῦμενος“

⁶⁾ Ad Virg. Eclog. VI, 13.

⁷⁾ Strabo, XVI. Cf. Rückert, Quaestiones Menippeae. Zitav. 1848.

⁸⁾ Diog. Laërt. V, 99. Cf. Saturarum Menipp. reliquiae. Ed. Fr. Oehler. Quedlinburgi, et Lipsiae 1844, p. 41 sq.

⁹⁾ Род. въ странѣ Аврунковъ (Juv. I, 19) въ 606 U. C., ум. 652. См. Hieronimus ad Euseb. Olymp. CLVIII, I: „Lucilius poeta nascitur; et ad Ol. CLXIX. 3: Cajus Lucilius satirarum scriptor Neapoli moritur ac publico funere effertur anno aetatis quadragesimo sexto“.

скаго ¹⁾ и Лелія, юный сатирик избѣгнулъ многихъ пороковъ ²⁾, которые все болѣе и болѣе проникали въ суровую жизнь республики. Въ его время Римляне уже обстоятельно ознакомились съ греческою наукою, и, совершенно отрѣшившись отъ прежней шероховатости въ шуткахъ, болѣе и болѣе сбразовывали свой языкъ на подобіе эллинскаго. По этой причинѣ и сатира Луцилія, при перемѣнѣ и въ наукѣ и въ общественномъ строѣ, должна была значительно отступить своимъ характеромъ отъ сатиры Эннія. Это отличіе было столь велико, что Гораций ³⁾ нисколько не поколебался назвать Луцилія изобрѣтателемъ римской Сатиры. Ибо слово Венузійскаго поэта, „inventor“, слѣдуетъ относить не къ Эннію, какъ думали нѣкоторые, а къ Луцилію; это въ новѣйшее время доказалъ знаменитый филологъ Карлъ Фридрихъ Германнъ ⁴⁾ Да и самъ Гораций въ другомъ мѣстѣ ⁵⁾ прибавляетъ слѣдующее: „cum est Lucilius ausus Primus in hunc operis componere carmina morem.“ Это подтверждаютъ и слова Квинтиліана ⁶⁾: „Satira quidem tota nostra est in qua primus insignem laudem adeptus est Lucilius“.

16. Спрашивается теперь, что за причина побудила поименованныхъ писателей называть Луцилія изобрѣтателемъ римской сатиры, помимо другихъ, раньше его подвизавшихся на этомъ поприщѣ. Прежде всего необходимо принять во вниманіе, что, на основаніи вышеприведенныхъ свидѣтельствъ, нельзя считать Луцилія родоначальникомъ кого-то новаго, доселѣ вполне неизвѣстнаго рода поэзіи. Упомянутые авторы своими словами хотѣли обозначить то, что Луцилій вмѣсто прежняго суроваго и необработаннаго рода поэзіи, надъ которымъ трудился Энній, ввелъ болѣе изящный и утонченный. Онъ вновь оживалъ римскую сатиру прежней веселостью и игривостью, ярко очертилъ жизнь и нравы соотечественниковъ и придалъ сатиры тотъ характеръ который болѣе или менѣе былъ сохраненъ и позднѣйшими сатирическими писателями. Луцилій, человекъ, по выраженію Горация ⁵⁾ „emunctae naris“, не нападалъ подобно Эннію, вообще на весь свой вѣкъ, но зорко слѣдя за проступками современниковъ, преслѣдовалъ cadaго

1) C. Roth, Zur Theorie und innern Gesch. d. Röm, Satire. Stuttgart, 1848. p. 20 sq.

2) Cf. Hor. Sat. II, 1. 72 sq. Van Heusde. Studia Critica in Lucilium. Trajecti ad Rhenum. 1844, p. 236 sq. Gerlach, o. c. p. XIV sq.

3) Sat., I, 10, 48.

4) C. F. Hermann, in Ind. lect. Marburg 1841.

5) Sat. II, 1, 62; Cf. id., I, 10, 66.

6) Inst. or., X, 1, 93. Acro ad Hor. Sat., I, 1. Plin., Praef. H. Nat.

7) Sat., I, 4. 8.

изъ нихъ; со свойственною ему веселостью и утонченностью рѣчи.¹⁾ Принадлежа къ партіи Сципіона и Лелія, онъ сильно ратовалъ противъ тѣхъ, которые противодѣйствовали ихъ планамъ и постановленіямъ, и потрясали благосостояніе республики. Онъ не спускалъ ни простолюдину, ни знатному человѣку, но срывая маску съ обличаемаго, всѣхъ преслѣдовалъ безошаднымъ бичемъ своей сатиры.²⁾ Его сожалѣніе и негодованіе, вызванное непостоянствомъ характера современныхъ лицъ и испорченностью нравовъ, день ото дня все болѣе и болѣе укорнявшуюся на римской почвѣ, высказалось не столько въ осмѣяніи, сколько въ прямомъ обвиненіи людей и общества. Чуждый всякой ненависти и неприязни, онъ смѣло выставлялъ недостатки отдѣльныхъ лицъ, въ полномъ убѣжденіи, что только прямая и откровенная улыка въ состояніи исправить извращенное нравственное направленіе его согражданъ. Высказанное мнѣніе оправдывается свидѣтельствами знаменитѣйшихъ писателей древности. Такъ Квинтиліанъ, говоря о Луціліи прибавляетъ³⁾: *eruditio in eo mira, et libertas, atque inde acerbitas et abunde salis*; Горацийъ, посвятившій ему первые стихи своей знаменитой десятой сатиры⁴⁾ заключаетъ, что Луцілій „*multo sale urbem perfreuit*“, а Ювеналъ прямо высказываетъ, что сочиненіями своими онъ поражалъ, какъ „обнаженнымъ мечемъ“.⁵⁾ Но оставаясь строгимъ цензоромъ нравовъ, Луцілій, былъ далекъ отъ той желчности и того возвышеннаго тона, съ которыми Персіей относился къ своему времени. Его сочиненія на столько отличались веселостью, игривостью, шутливостью и тонкостью выраженій, что Варронъ называетъ ихъ⁶⁾ „*exemplum gracilitatis*“. Но странно, что Горацийъ, не смотря на блестящія дарованія Луцілія, на его дружбу съ Сципіономъ, Леліемъ и другими образованнѣйшими людьми своего времени, на его опытность въ греческихъ и римскихъ наукахъ⁷⁾ —, порицаетъ его за небрежность въ составленіи стиховъ.⁸⁾ Его строгаго мнѣнія не можетъ опровергнуть ни приведенное замѣчаніе Варрона, ни слѣдующее свидѣтельство Квин-

1) Cf. A. Gell., VII, 149.

2) Hor. Sat., II, 1, 64. 68.

3) Instit. Or., X, 1, 94.

4) Lib. II. ver. 4.

5) Juv., Sat. I, 165. Pers. I, 114: „Secuit Lucilius urbem.“

6) Varro, aa. Gell. N, Att., VII, 14.

7) Геллій (N. Att., XVII, 5) называетъ его „*vir apprime linguae latinae sciens*“, а Цицеронъ (de Orat., I, 16 и II, 6) „*doctus et perurbanus*“.

8) Hor. Sat., I, 4, 8 sq. I, 10, 1. 50. 56 sq.

тиліана¹⁾) „Ego quantum ab illis tantum ab Horatio dissentio qui Lucilium fluere lutulentum et esse aliquid, quod tollere possis, putat. Nam erudito in eo mira, et libertas, atque inde acerbitas et abunde salis“. Дѣйстви-тельно въ отрывкахъ попадаются многія греческія слова, пере-мѣшанныя съ латинскими, греческія съ латинскими окончаніями и наконецъ значительное число архаизмовъ²⁾). Относительно вѣ-которой свободы въ выраженіяхъ, которая встрѣчается у Луци-лія, врядь-ли можно его обвинять. Это свойственно всѣмъ са-тирикамъ, а болѣе всего простительно Луцилію, который не двусмысленными словами, но прямо и открыто порицалъ людей, возбуждающихъ его негодаваніе. Всякій недостатокъ, будь это въ управленіи республикою, въ общественныхъ нравахъ, или въ частной жизни, онъ преслѣдовалъ явно и благородно. Онъ не только возвышалъ голосъ противъ человѣческихъ пороковъ, но даже порицалъ греческихъ и римскихъ поэтовъ: Эннія, Па-кувія, Аттія и Эврипида.³⁾ По содержанію его сатиры представ-ляли весьма разнообразный матеріаль. Въ нихъ были описанія мѣстностей, горъ, рѣкъ и морскихъ бурь; во многихъ мѣстахъ говорилось о военномъ дѣлѣ; попадались побасенки, взятые изъ поэтовъ или изъ рассказовъ народа. Разнообразію содержанія соотвѣтствовало и разнообразіе метровъ.⁴⁾ Имѣя въ виду смяг-чить прѣжнюю шероховатость Эннія и Пакувія болѣе плавною и связною рѣчью, Луцилій древній сатурнической стихъ не счита-лъ годнымъ для новаго рода поэзіи. Онъ замѣнилъ его геро-ическимъ размѣромъ. Послѣдній, хотя и былъ изрѣдка употре-бляемъ Энніемъ, но Луцилій болѣе другихъ подчинилъ ему свою рѣчь, сдѣлавъ его какъ-бы собственностью сатирической поэзіи, усвоенною всѣми послѣдующими ея представителями.⁵⁾ Но и употребленіе гекзаметра не было у него постояннымъ. Въ отрывкахъ мы встрѣчаемъ героическіе, ямбическіе и трохе-ическіе стихи, ямбическіе вставленные между трохеическими, и чистые ямбическіе и трохеическіе. Изъ сказаннаго мы можемъ заключить, что, по отношенію къ метру и содержанію, нельзя отри-цать нѣкотораго сходства между Энніевою и Луциліевою сатирою, но по характеру послѣдняя на столько отличалась отъ первой, что авторъ ея по справедливости можетъ считаться изобре-тате-

1) Inst. Or., X, 1. 94.

2) Gerlach, ad. Lucil., pag. CXXIX, CXLIII и Hor. Sat. I, 10, 20.

3) Gell., N. Att., VII, 3; XVII, 21 extr.; Non. fragm. XXIX, 63; Hor. Sat. I, 10, 53 sq. ibiq. Porphyr.

4) См. Lucilii Saturarum Reliquiae, ed. aux. em. Fr. D. Gerlach, Turici, 1846.

5) Cf. Lydus, de Magistrat. I, 41: „*ὡς ἐκαμπτὸς ὕψαλε ἄριστος καὶ μὲν δὲν, ἐξ οὗ πρῶτος λαβὼν τὰς ἀφορμὰς Λουκίλιος ὁ Ῥωμαῖος ἥρωικοῖς ἔπειν ἐκαμπτῆσεν.*“

лемъ этого рода поэзіи. Поэтому неудивительно, что стихотворенія Луцілія были въ большомъ уваженіи у Римлянъ и пользовались значительнымъ успѣхомъ въ средѣ тогдашней публики.¹⁾

17. Послѣ Луцілія кромѣ жившаго еще при немъ Т. Альбуція²⁾ и М. Теренція Варрона (Reatinus), Горацій приводитъ П. Теренція Варрона (Atacinus) и нѣкоторыхъ другихъ неудачно подвизавшихся на сатирическомъ поприщѣ³⁾. Сюда нужно отнести и Сэвія Никанора, знаменитаго грамматика, о которомъ упоминаетъ Светоній⁴⁾, также Лэнея, который по словамъ того-же писателя⁵⁾ „поносилъ историка Саллустія весьма ѣдкою сатирою“. Трудно однакожь сказать что нибудь опредѣленное о характерѣ сатиры этихъ ученыхъ; изъ приведеннаго мѣста Горація видно, что они были довольно плохіе поэты.

Глава вторая.

Римская Сатира времянь цезарей.

Omne in praecipiti vitium stetit; utere velis,
Totos pande sinus!

Juv. Sat., I, 149—150.

18. Знаменитѣйшимъ писателемъ этой эпохи былъ Квинтъ Горацій Флаккъ⁶⁾, главный представитель золотого вѣка римской литературы. Одаренный необыкновеннымъ талантомъ, болѣе гибкимъ, болѣе объемлющимъ, чѣмъ его предшественники, Горацій развилъ его тщательнымъ воспитаніемъ и сообществомъ съ даровитыми и образованными людьми своего времени⁷⁾. Онъ

¹⁾ Suet., ill. gramm. Cap. II и XIV. Gell., N. Att. IV, 17, 1; IX, 14, 11.

²⁾ Varro, de Re Rust., III, 2, 17.

³⁾ Hor., Sat. I, 10. 46 sq.

⁴⁾ De illustr. gramm. c. V: „fecit praeter commentarios et Satiram.“

⁵⁾ Suet. ibid., cap. XV: „Sallustium historicum acerbissima satira laceraret.“

⁶⁾ Онъ род. 8 декабря 65 г. до Р. X. (Od. III, 21; init.), въ Венузіи, римской колоніи на границѣ Апуліи и Луканіи (Sat., II, 1 v. 34); ум. 26 ноября 9-го г. до Р. X. См. Bähr, Geschichte d. Röm. Literat., I, p. 565, Nota 23.

⁷⁾ См. вообще Горацій и его время, Н. М. Влгоговъщенскаго, С.-Петербургъ, 1846 глава II—IV. См также Karsten: Een blick op zyn leven, zyne studien en dichtwerken. Utrecht, 1861.—Oswald: Leben, Charakter und Philosophie des Horaz. Leipzig u Paris 1838, La poésie et l'éloquence à Rome au temps des Césars, par J. Janin, Paris, 1864. Chap. Horace et son temps, p. 3—132, служившихъ источниками при составленіи характеристики его произведеній.

былъ одаренъ веселымъ и шутливымъ характеромъ, который весьма ясно отпечатлился въ его сатирахъ. Въ нихъ вездѣ видна та тонкая насмѣшка, которая рѣзко отличаетъ Горація отъ другихъ сатирическихъ писателей. Тогда какъ Луцилій безпощадно нападаетъ, Персій говоритъ съ гнѣвомъ, принявъ роль стойка, Ювеналь негодуетъ на всѣхъ и каждого, Горацій не становится нигдѣ на точку моралиста, но шутить и смѣется. Представляя пороки и заблужденія общества въ смѣшномъ видѣ, онъ знаетъ всѣ потаенныя пружины человѣческихъ дѣйствій, и старается ихъ не столько порицать, сколько осмѣять. Вся его мораль сводится къ двумъ, имъ часто повторяемымъ словамъ: золотая умѣренность. Онъ восхваляетъ довольство и благоденствіе, возникающее изъ эпикурейской воздержности, которая не тревожитъ желаній и страстей человѣка, но успокаиваетъ ихъ. Жить умѣренно, пользоваться настоящимъ и не заботиться о будущемъ, вотъ главные, по его мнѣнію, основанія для счастливой жизни.

19. Содержаніе для своихъ сатиръ Горацій заимствовалъ изъ общественной жизни. Онъ кротко укоряетъ и осмѣиваетъ глупыхъ и непостоянныхъ, недовольныхъ своею судьбою¹⁾, суетныхъ и тщеславныхъ, скупыхъ до грязи и корыстолюбивыхъ²⁾, расточительныхъ, роскошныхъ и обжорливыхъ³⁾, сладострастныхъ⁴⁾, криводушныхъ и зложелательныхъ⁵⁾ льстивыхъ⁶⁾, боязливыхъ и подозрительныхъ, преступныхъ, наконецъ всѣхъ, преданныхъ какому-бы то ни было роду слабостей и пороковъ. Желая краснорѣчиво выставить всѣ громадныя издержки, которыхъ стоили роскошныя обѣды тогдашняго времени, онъ приводитъ читателя на богатый пиръ сибарита — обжоры, на которомъ предлагаются самыя роскошныя гастрономическія блюда⁷⁾: „lupus Tiberinus“ и „mullus trilibris“, — весьма рѣдкія рыбы⁸⁾. Не оставивъ безъ вниманія и противоположнаго порока, онъ заставляетъ насъ присутствовать на обѣдѣ нѣкогого Авидіена „справедливо получившаго прозвище собаки“⁹⁾, питающагося пятилѣтними оливками и дикими воронами, пьющаго только хорошо выстоявшееся вино, и каплями спускающаго на капусту масло,

1) Sat., I, 1.

2) Sat., II, 1.

3) Sat., II, 4.

4) Sat., I, 2.

5) Sat., I, 6.

6) Sat., I, 9.

7) Sat., II, 2 vers. 31. 34.

8) См. о нихъ: Plin., Н. Nat., IX, 17; IX, 54; Cic., Parad., V, 2; Att., II, 1; Varro, R. R. III, 3. 9; III, 17. 7. Ovid. Halieut., 123.

9) „Cui canis ex vero ductum cognomen adhaeret“, Sat., II, 2. 56.

запахъ котораго производитъ обморокъ¹⁾). Съ подобною мѣткостью и комизмомъ осмѣиваетъ онъ людей, которые для достиженія предвзятой цѣли, не остановятся ни предъ клятвopреступленіемъ, ни предъ ложнымъ обвиненіемъ, ни предъ убійствомъ или подлгамъ завѣщаній²⁾). Отъ общественныхъ вопросовъ Горацій переходитъ къ литературнымъ. Нисколько не спуская глупымъ стремленіямъ своего вѣка, онъ болѣе всего волнуется, бесѣдуя о печальномъ положеніи наукъ. Особенно порицаетъ онъ эту невоздержную страсть къ безталантивому авторству, этотъ безумный порывъ къ публичнымъ чтеніямъ, которыми страдало тогдашнее общество. Онъ не могъ равнодушно смотрѣть, какъ молодые люди, воспитывающіеся въ школахъ риторовъ, всѣми силами добивались вѣтренныхъ похвалъ своихъ слушателей. Сообразивъ все изложенное, мы вполне убѣдимся, что осмѣивая своихъ современниковъ, Венузійскій поэтъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду возвратитъ ихъ къ прежней честной и умѣренной жизни.

20. Изложивъ вкратцѣ содержаніе и характеръ Гораціевой сатиры, я прибавлю нѣсколько словъ о посланіяхъ, которыя по характеру весьма походятъ на сатиры. Поэтъ такимъ-же является и въ этихъ произведеніяхъ, какъ и въ сатирическихъ пьесахъ. Онъ, предлагая дорогу, ведущую къ истинному счастью старается указать на нее не столько порицаніемъ и осмѣяніемъ, сколько наставленіемъ и совѣтомъ. Онъ передаетъ правила, которыми мы должны руководствоваться въ жизни, излагая ихъ въ формѣ урока или дружеской бесѣды. — Его „Ars poetica“ написана не столько съ цѣлью порицанія, сколько съ цѣлью наставленія. Поэтому Dacier³⁾, какъ мнѣ кажется, очень правильно отличаетъ оба рода поэзіи, называя сатиры *ἐκλεκτικὰς*, а посланія *διδασκικὰς* и *παραινετικὰς*.

21. Сравнивая теперь Гораціеву сатиру съ Луциліевою, мы, какъ кажется, нисколько не ошибемся, если, считая ее несравненно утонченнѣе и изящнѣе послѣдней, станемъ утверждать, что Венузійскій поэтъ, не вполне самостоятеленъ и независимъ отъ Аврунскаго. Въ самомъ дѣлѣ уже схолиастъ упоминаетъ, что Горацій, относительно содержанія, шелъ по слѣдамъ Луцилія. Такъ, по свидѣтельству Порфиріона⁴⁾, прекрасное описаніе пу-

¹⁾ Sat., II, 2 vers. 57 sq. Cf. Juv., XIV, 123—156.

²⁾ Hor. Epist., I, 1. 77.

³⁾ См. его статью въ Mém. de l'Acad. des Inscript., T. II, p. 187.

⁴⁾ Ad. Hor. Sat., I, 5.

тешествія въ Брундузіумъ¹⁾, было составлено въ подражаніе Луцилію. Кромѣ того, подобно Луцилію²⁾, пишущему къ своему управляющему Аристократу, и Горацій адресуетъ одно посланіе къ своему-же управляющему³⁾. Но не только въ содержаніи, даже въ выборѣ отдѣльныхъ стиховъ Горацій подражалъ Луцилію, а именно: „Socratici charti⁴⁾ — Socraticae chartae⁵⁾“; „Quem plane hexametro versu non dicere possis⁶⁾ — Mansuri oppidulo, quod versu dicere non est⁷⁾“; „Valeri sententia dia⁸⁾ — sententia dia Catonis⁹⁾“; „Purpureo tersit hunc latas gausape mensas¹⁰⁾ — Gausape purpureo mensam pertersit¹¹⁾“. Кромѣ того и въ выборѣ лицъ, Горацій находится въ пѣкоторой зависимости отъ Луцилія. Такъ Мэвій¹²⁾ встрѣчается и у Горація¹³⁾; Галланъ¹⁴⁾ тоже извѣстенъ и Луцилію¹⁵⁾; далѣ Опимій¹⁶⁾, скупость котораго порицаетъ Горацій¹⁷⁾, и Пней, по свидѣтельству схоласти¹⁸⁾, упоминаются и Луциліемъ. Хотя изъ приведенныхъ доказательствъ ясно, что Горацій иногда подражалъ Луцилію, но при всемъ томъ необходимо остерегаться, чтобы не преувеличить мѣру этого подражанія, и не ослабить чрезъ то высокаго значенія въ римской литературѣ меценатова любимца. Онъ въ одной только славѣ изобрѣтенія уступаетъ Луцилію, въ остальномъ и талантливѣе и утонченнѣе его. „Multo enim eo est tersior ac purus magis et ad notandos hominum mores praecipuus.“¹⁹⁾

22. Современникомъ Горація былъ Юлій Флоръ, котораго Порфиріонъ называетъ сатирическимъ писателемъ²⁰⁾. Горацій посвятилъ ему одно изъ своихъ посланій²¹⁾. О характерѣ его са-

1) Hor. Sat., I, 5.

2) Fr., XVII, 3.

3) Epist., I, 14.

4) Lucil., XXXII, 10.

5) Hor., Ars poët., 310.

6) Lucil., VII, 4.

7) Hor., Sat., I, 5, 87.

8) Lucil. fr. inc. 105.

9) Hor. Sat., I, 2, 32.

10) Lucil. XX, 9.

11) Hor. Sat., II, 8, 11.

12) Lucil. fr. inc. 104.

13) Cf. Acro ad. Hor. Ep. I, 15, 26.

14) Hor. Sat., II, 2, 47.

15) Lucil. fr. IV, 2.

16) Lucil. IX, 1.

17) Sat., II, 3, 142 sq.

18) Ad A. poët. 238.

19) Quint., Inst. Or., X, 1 § 94.

20) Porphyr., ad Hor. Ep. I, 3, 4: Hic Florus fuit saturarum scriptor cujus sunt electae ex Ennio, Lucilio, Varrone Saturae. См. также Weichert, Poët. Reliq. p. 366 и J. Becker въ Philolog. IV, p. 490 sq.

21) Epist. lib., II, 2.

тирь можемъ судить только изъ свидѣтельства упомянутого схоластика, который сообщаетъ, что онѣ составлены изъ стихотвореній Эвнїя, Луцилія и Варрона. О болѣе подробномъ очеркѣ характера произведеній Флора, не можетъ быть и рѣчи, за отсутствіемъ другихъ данныхъ, кромѣ указанія Порфиріона.

23. Болѣе извѣстнымъ въ сатирической поэзіи является Авлъ Персій Флаккъ¹⁾. Происходя изъ знатнаго рода всадниковъ, слушая лекціи извѣстнаго тогда философа Корнута²⁾, пользуясь обществомъ людей, отличавшихся нравственною жизнью и строгостью принциповъ³⁾, поэтъ развилъ въ себѣ нравственную чистоту, не поддающуюся опаснымъ житейскимъ приманкамъ. Поэтому неудивительно, что, одаренный такими качествами, онъ немогъ, подобно Горацию, при которомъ пороки только начали развиваться, относиться съ легкою шуткою и насмѣшкою къ испорченному обществу своего времени. И поэтъ, и слушатели были далеки отъ вѣка Венузійскаго поэта. Тогдашніе Римляне сдѣлали уже громадныя успѣхи въ порокахъ и безнравственности всякаго рода. Позабывъ все прежнее величіе, пріобрѣтенное высокими доблестями патриотизма и побѣдами, воспитанные смутами гражданскихъ войнъ, они быстрѣе шествовали по пути стыда и нравственнаго упадка, чѣмъ прежде по стезѣ добродѣтели и славы. Презирая все мірское и человѣческое, сами правители жаждали жестокостей и насилія. Убіиства, грабежи и опалы днемъ и ночью потрясали государство. Печально было тоже и положеніе наукъ. Эти безчинства, эта испорченность и необузданность нравовъ возбудили пламенное негодованіе въ благородной и возвышенной душѣ Персія. Въ то время какъ большая часть писателей его эпохи упражнялась въ наукахъ, какъ въ дѣтскихъ играхъ, и толпами стекалась въ речитационныя залы, за полученіемъ вѣтренныхъ похвалъ и вѣнковъ Аполлона, Персій, оставаясь въ тѣни, бросаетъ на окружающее общество презрительный и глубоко-проникающій взглядъ, дѣлаясь въ тоже время и апостоломъ принциповъ стоической философіи, служащей убѣжищемъ и опорой противъ военнаго деспотизма. Луцилій нашель себѣ патрона въ Сципїонѣ, Горацийъ въ Августѣ, Турнъ⁴⁾,

1) Родился 34 по Рожд. Х., умеръ 62. Смолр. Vita Persii a Joanne Britannico conscripta.

2) См. преимущ. Sat. V, v. 21 sq. и Proleg. Ott. Jahn'a (въ его изд. автора Lipsiae, 1843, p. XXVI. sq.)

3) Подробнѣе см. Fr. Passow, 1-er Th. Text, Uebersetz. Anmerk. zur I. Sat. Leipzig, 1869 p. 121—124, и O. Jahn, o. c. p. XXVIII sq. XXXII sq. XXXVIII.

4) См. о немъ ниже 31, и Perreau, trad. de Juvénal, Perse etc. Paris, 1864. Nouv. Ed., p. 357 sq.

обезславивъ Нерона, получилъ награду отъ Домиціана, Ювеналь сознался, что порицаетъ только умершихъ¹⁾, — но Персій, руководствовался исключительно умомъ и убѣжденіемъ. Онъ болѣе послѣдователенъ, болѣе независимъ чѣмъ исчисленные сатирики. Онъ нападаетъ вмѣстѣ и на народъ, и на знатныхъ: со всѣхъ и каждаго срываетъ маску и обличаетъ гнусность современныхъ нравовъ.

24. Всѣ древнѣйшіе и новѣйшіе издатели и толкователи Персія, жалуются, и справедливо, на темноту его слога и запутанность мысли²⁾). Объясняютъ и извиняютъ это желаніемъ скрыть опасныя и горькія истины, которыя онъ намѣривался высказать извѣстнымъ лицамъ. Конечно, въ этомъ есть доля правды: самъ поэтъ сознается, что онъ говоритъ скрытыми полу-словами, что онъ принужденъ прятать свою мысль въ стихахъ³⁾. Но Персій не преслѣдуетъ постоянно отдѣльныхъ личностей, и слогъ его остается однимъ и тѣмъ-же и тамъ, гдѣ онъ касается совершенно другихъ предметовъ. Поэтому необходимо представить болѣе общую причину для изъясненія темноты его выраженій. Одаренный отъ природы задатками мрачнаго и суроваго характера, воспитанный въ школѣ стоиковъ, писатели которой излагали свои чувства и идеи въ немногихъ словахъ и требовали отъ языка только соотвѣтствія мысли, подобно какъ отъ жизни соотвѣтствія добродѣтели⁴⁾, онъ, не насмѣхался надъ современнымъ обществомъ, но порицалъ его и, съ неугомоннымъ озлобленіемъ устремляясь на пороки, полагалъ, что нѣтъ возможности представить ихъ во всей наготѣ и правдѣ. Отсюда произошло то, что онъ какъ будто боролся съ рѣчью и едва находилъ слова для изъясненія тѣхъ нравственныхъ побужденій, которыя такъ сильно волновали его душу. При такомъ умственномъ и нравственномъ настроеніи, неудивительна сжатость выраженій и мрачный колоритъ рѣчи, проявляющійся во всѣхъ его сочиненіяхъ. Изъ сказаннаго разница между произведеніями Персія и сатирами Луцілія и Горація весьма примѣтна; хотя нельзя отрицать, что онъ немного обязанъ и Аврунскому поэту.

¹⁾ Sat., I, 170—171.

²⁾ Извѣстно, что св. Геронимъ бросилъ его книгу въ огонь со словами: „Si non vis intelligi, non debes legi“. За темноту выраженій порицаютъ его Функцій (De immin. L. Lat. senectute, III. §§ 26, 27). Скалигеръ (Poëtic. VI, 6), Вавассеръ (de ludicr. dictione, p. 239 sq.), Гейнзий (De Sat. Horat., p. 138), Байль (Dict. s. v. Perse), Аментръ (въ Парижскомъ изд. 1812, стр. XI); а изъ новѣйшихъ Пассовъ (о. с. p. 118), Дуну (въ Journ. d. Savants, 1836 p. 41) и Шютцеръ (Quaest. Pers. Monaster. 1857, p. 18 sq.).

³⁾ О Метафорахъ Персія см. статью Пьерсона въ Rhein. Museum, Neue Folge, XII, p. 88, sq.

⁴⁾ Cf. Juv., Sat., VIII, 83—84.

Изъ словъ его жизнеописанія¹⁾, ошибочно до недавняго времени приписываемаго Светонію²⁾, и изъ древняго схолиаста видно, что III Сатира³⁾ заимствована изъ IV книги Луцилія. Необходимо однакожь очень осторожно принимать эти указанія, ибо всякій даже поверхностно ознакомленный съ Персіемъ, ясно отличить своеобразный характеръ сатиры обоихъ писателей. Никто также не станетъ отрицать, что гораздо болѣе чѣмъ Луцилію, нашъ поэтъ обязанъ Горацию. Въ самомъ дѣлѣ онъ не только старался слагать свою рѣчь по образцу Венузійскаго поэта, но даже употреблялъ имена, приводимыя послѣднимъ, для обозначенія извѣстныхъ личностей⁴⁾. И самая форма его сатиръ имѣетъ сходство съ сочиненіями Горация. Въ нихъ нерѣдко найдемъ и діалогъ и обращеніе къ друзьямъ. Но при этомъ незначительномъ заимствованіи, если только можно такъ выразиться, мы находимъ огромную разницу въ характерѣ и направленіи сочиненій обоихъ писателей. Гораций, слегка преслѣдуя пороки и въ шуткѣ говоря правду, стлчается своею игривостью и граціозностью; Персій-же, неугомонно порицая нравственное уклоненіе и жолчно злословя людей, чуждъ всякой вриятности и легкости рѣчи.⁵⁾ Его міросозерцаніе ограничивается философіею стоиковъ. Она проявляется во всѣхъ сатирахъ, а преимущественно въ V, гдѣ поэтъ, въ драматической формѣ, старается изъяснить догматы своей секты о свободѣ. Здѣсь онъ, воздавая благодарность Корнуту за свое воспитаніе, старается внушить согражданамъ стремленіе къ занятіямъ философіею и сильно нападаетъ на тѣхъ, которые имъ вренебрегаютъ. Онъ проповѣдуетъ, что одна только философія истинная наставница: изученіе ея освобождаетъ людей отъ всѣхъ вредныхъ страстей. Еще болѣе стоическою рутинною отличается IV Сатира, написанная съ цѣлью порицанія тѣхъ, которые, исправляя со всею строгостью недостатки другихъ, мало заботятся о собственномъ самопознаніи. Она представляетъ оживленный разговоръ между Алкивіадомъ и Сократомъ, начало котораго заимствовано изъ діалога Платона „Алкивіадъ“, конечно значительно измѣненнаго и украшеннаго. Такъ въ ней много находится примѣровъ совершенно

1) „Sed mox ut a scholis magistratique divertit, lecto libro Lucilii decimo, vehementer saturas componere instituit, cujus libri initium imitatus est.“

2) См. J. Bähr, Gesch. d. R. Liter., I. Bd., p. 612, 614, Nota 18.

3) См. ея переводъ Пр. Благовѣщенскаго въ Ж. Мин. Нар. Прос., Май, 1871, стр. 113 и слѣд.

4) Сравни А. Dühr, De discrimine inter Sat. Pers. et Horat. Program. zu Friedland, 1847.

5) См. J. Schlützer, Quaest. Persian. Monaster. 1857. Cap. I.

чуждыхъ діалогу греческаго мыслителя, заимствованныхъ изъ самой жизни и представленныхъ яркими красками¹⁾). И въ III Сатирѣ, хотя касающейся многихъ предметовъ, мы легко можемъ замѣтить стоическій оттѣнокъ. Здѣсь въ наставленіи, внушаемомъ лѣнивому ученику его педагогомъ, Персіей предлагается согражданамъ изученіе философіи, дающей намъ благіе совѣты, съ помощью которыхъ мы можемъ слѣдовать по пути добродѣтели. Нужно оберегать, говорить поэтъ, душевное здоровье, какъ и тѣлесное: догматы портика единственное и болѣе всего соотвѣтствующее лекарство нашей душѣ. Напрасно чернь и военные люди пренебрегаютъ философіею: это пренебреженіе ведетъ къ душевнымъ недугамъ и нравственной смерти, подобно тому, какъ несоблюденіе медицинскихъ совѣтовъ и излишнія наслажденія ведутъ къ физической болѣзни и гибели²⁾). Одна только I Сатира не отличается школьною доктриною, но взята съ самой жизни. Она изображаетъ печальное положеніе наукъ въ царствованіе Клавдія и Нерона. Римъ представлялъ тогда жалкое зрѣлище: за страстями политическими послѣдовало литературное шарлатанство и обезьянничество. Потомки гордыхъ республиканцевъ, властелиновъ побѣжденнаго міра, сдѣлались кабинетными людьми и плохими авторами: они лѣпили прозу, складывали мелкія стихотворенія. Всякій хотѣлъ декламировать, публиковать свои сочиненія; самъ цезарь подавалъ примѣръ къ этимъ страннымъ претензіямъ. Науки сдѣлались игролищемъ самолюбія и глупости. Напыщенность, неологизмъ, ложная аффектація, безпорядочность слога и полное отсутствіе вкуса, характеризуютъ тогдашнее время упадка. Претенденты на лавровые вѣнки наполняли прихожія и роскошныя рецитационныя залы богатыхъ римскихъ баръ и почти ежедневно пытали терпѣніе и вниманіе, своихъ слушателей³⁾). Персіей, сохранившій среди этого безвкусія достоинство римскаго характера, не могъ взирать безъ негодованія на выродившихся потомковъ Ромула. Сильный своимъ талантомъ и наукою, сильный строгими принципами стоицизма, онъ борется противъ всеобщей испорченности, не щадя ни знати, ни народа. Упомянутая сатира написана въ формѣ діалога между авторамъ и другимъ лицомъ,

¹⁾ См. London. University-Magazine, 1842. Nr. 1: the Genius and Writings of Persius.

²⁾ Cf. C. Martha, les Moralistes sous l'Empire Romaine, 2-de Éd. Paris, 1866 p. 103 sq. и 124 sq.: „Idées religieuses de Perse.“

³⁾ Plin., Epist., I, 13, § 1: „Toto mense Aprili nullus fere dies quo non recitaret aliquis.“

представляющимъ, что злословить людей очень плохое занятіе, что публика еще не слишкомъ провинилась, и т. под. Лицо разговаривающее является здѣсь представителемъ общественнаго мнѣнія, Персій — олицетвореніемъ совѣсти.

25. Вполнѣ преданный догматамъ стоической секты, обращающей преимущественное вниманіе на нравственную сторону философіи, Персій, представляя намъ прекрасные и живо нарисованные примѣры изъ самой жизни, изображаетъ ими не столько истинную картину своего вѣка, сколько вообще свойство чело-вѣческой природы. Это достаточнымъ образомъ подтверждается названіями приводимыхъ имъ личностей. Такъ одна часть ихъ употреблялась для обозначенія какого-угодно челоувѣка¹⁾, другая заимствована изъ исторіи или отъ Грековъ²⁾, третья выдуманна и неизвѣстна³⁾. Ярko и остроумно обрисовывая нравы современной эпохи, Персій, картиннымъ изображеніемъ челоувѣческихъ недостатковъ и описаніемъ движеній и жестовъ тѣла, вызываемыхъ различными страстями, представлялъ какъ-бы живые портреты характеризуемыхъ имъ лицъ. Какъ мастерски изобразилъ онъ бабушку, приносящую обѣты за своего внука⁴⁾, какъ вѣрно представленъ избалованный юноша и его учитель⁵⁾, какъ живо охарактеризованъ скупецъ Веттидій и Бестій⁶⁾, и римскій центуріонъ⁷⁾. При изображеніи челоувѣческихъ страстей, онъ удачно избиралъ тѣ слова, которыми онѣ живо и внятно характеризовались, какъ напр. смѣющагося⁸⁾, злого⁹⁾, ревниваго¹⁰⁾, скупца¹¹⁾ и др. Принявъ за образецъ своего стиха *Виргилія*¹²⁾, онъ нерѣдко оживлялъ его пословицами и поговорками, употребляемыми народомъ въ обыкновенной рѣчи¹³⁾. Изъ этого краткаго очерка мы можемъ заключить, что Персій, хотя и погрѣшаетъ темнотою слога, происшедшою отъ излишней сжатости въ выраженіяхъ и слишкомъ смѣлыхъ фигуръ, но чистотою языка, умѣніемъ живо и типично представить жизнь и характеръ эпохи и

¹⁾ Sat., II, 19; V, 76 sq. VI, 66.

²⁾ Sat., II, 36; V, 85. 162.

³⁾ Sat., II, 14; III, 31; VI, 37.

⁴⁾ Sat., II, 31 sq.

⁵⁾ Sat., III, 1 sq.

⁶⁾ Sat., IV, 25 sq. VI, 36 sq.

⁷⁾ Sat., III, 77 sq.

⁸⁾ Sat., III, 86: „juventus ingeminat tremulos naso crispante cachinnos.“

⁹⁾ Sat., V, 91: „sed ira cadat naso rugosaque sanna.“

¹⁰⁾ Sat., V, 162: „crudum Chaerestratus unguem abrodens.“

¹¹⁾ Sat., VI, 17: „Et signum in vapida naso tangit lagena.“

¹²⁾ См. Drobisch, въ Verhandl. d. Sächs. Gesellsch. d. Wissensch. hist.-phil.

Cl. XVIII (1866), p. 109 sq.

¹³⁾ Cf. I, 4. 46. 105. 119; III, 65. 96; IV, 4. 11. 26. 42. 52; V, 104. VI, 56.

своими благородными убъжденіями, „multum et verae gloriae quamvis uno libro meruit“.)

26. Современникомъ Персія былъ Децимъ Юній Ювеналъ ²⁾ Съ ранней молодости онъ познакомился съ тѣми пороками, которые уже давно исподволь портили и разъядали римское общество. То было самое печальное время исторіи древняго Рима; въ эту эпоху весь строй римской жизни начинаетъ свою медленную и жалкую агонію. Въвѣ Августа исчезъ въ кровавомъ заревѣ деспотизма; все видимо разлагается и клонится къ паденію; добродѣтели прошлаго умираютъ одна за другою, и новое время не представляетъ взамѣнъ ихъ новыхъ. Клавдій и Неронъ, Гальба и Вителлій, Оттонъ и Домиціанъ переносятся мрачными фантомами надъ оцѣпенѣвшимъ Римомъ, оставляя кровавые слѣды на страницахъ его исторіи. Только риторы и ихъ школьники говорятъ теперь о вѣчномъ городѣ; небольшое число людей ученыхъ и опытныхъ не вѣрять въ него или насмѣхается надъ нимъ. Въ римскомъ творчествѣ и литературѣ чувствуется затишье: Вергилій, Овидій, Горацій и Лукрецій унесли съ собою въ могилу великую римскую поэзію. Мысль и убъжденія великихъ талантовъ сдерживаются какою-то невѣдомою силою, и на устахъ ихъ нерѣдко замираетъ слово правды, какъ будто живутъ они въ удушливой атмосферѣ. Персію, ученый, окутывается непроницаемою тьмою; Тацитъ, мститель говоритъ изъ глубины норы, которую себѣ изготовилъ; Петроній выражается загадками и метафорами: является и тайная литература, литература оппозиціи, являются и тайныя общества. Краснорѣчіе, безъ свободы, безъ комицій и уваженія, превращается въ декламаторство, въ софизмъ, въ дѣтскую игру; ничего истиннаго, ничего великаго не осталось въ леленіи этого искусства: оно ограничилось льстивыми панегириками и глашатайствомъ за и противъ. Никто теперь не осмѣливался отозваться живымъ словомъ на той площади, которая изстари служила убъжищемъ свободы пѣлаго міра. Убъжденія въ народѣ разшатались и вѣрованія замерли: вся религія замѣнилась одною обрядностью. Въмѣсто вѣрованій явились предрасудки старыхъ женщинъ пророчицы — бабы, звѣздочеты, чревовѣщатели и чудодѣи, эта болѣзнь выродившихся народовъ и дурныхъ убъженій. Были секты, но безъ практической философіи, стойки, съ длинною

¹⁾ Слова Квинтиліана, *Inst. Or.*, X, 1. 94. Cf. *Mart.*, IV, 29. 7. *Diomed.*, p. 482. *Tarrens Nebius*, lib. X, *Amphitheat. Sapient. epigr.* 37. *Boileau*, *Art. poét.* II, 155—156.

²⁾ По новѣйшимъ изслѣдованіямъ род. 46 или 47 по Р. X.; умеръ 80-и лѣтнимъ. См. *Borghesi*, *Intorno all' età di Giovenale Rom.*, 1847; и *Synnerberg*, *De temporibus Vitae carminumque D. J. Juvenalis*, *Helsingforsiae*, 1866, p. 92.

бороною, нахмуреннымъ челомъ и продыравленнымъ плащемъ, но съ черстою душою; не было серьезныхъ трудовъ, но роскошь усыпляющая тѣло и духъ. Повсемѣстное своеволие и необузданность нравовъ, пустившее глубокіе корни уже въ первые годы имперіи, теперь царствовало въ полной силѣ, предоставивъ народъ на жертву тиранніи и нахальству. Голодная чернь, раболѣпствовавшая предъ всякимъ, доставлявшимъ ей игры и пропитаніе, сребролюбивыя и измѣнническія солдатскія когорты, разбогатѣвшіе выскочки и смѣсивая знать, безъ древнихъ преданій и старинной доблести, характеризуютъ тогдашній римскій міръ нѣкогда честный, стройный и полный жизни. Восточныя интриги, губившія невинно тысячи жертвъ, азіятская роскошь, доведенная до послѣднихъ крайностей, сибаритская необузданность нравовъ, попиравшая негами всякое благородное чувство, греческая продажность, доставлявшая почести богачамъ, знати, доносчикамъ и фаворитамъ, заняли мѣсто прежнихъ, тогда очень рѣдко попадавшихся качествъ и добродѣтелей. Вотъ подъ впечатлѣніемъ какой картины сложилась сатира Ювенала. Какъ карательница современныхъ слабостей и пороковъ, руководимая поэтомъ исполненнымъ глубокого негодованія и презрѣнія къ видимо-разлагавшемуся обществу¹⁾, она беспощадно поражаетъ все, что отклонялось съ пути добродѣтели и честности. Разъ обнаживъ мечъ, и рѣшившись высказать протестъ, она не спускаетъ никому: сама является свидѣтелемъ, обвинителемъ и судьей. Это направленіе сатиры Ювенала становится яснымъ во всѣхъ его сочиненіяхъ. Въ нихъ мы нигдѣ не встрѣтимъ легкаго порицанія, игривости, и прелести мысли и образовъ Аврунскаго или Венузійскаго поэта. Строгій тонъ его сатиръ, постоянно вызываемый крайнимъ искаженіемъ жизни современниковъ, мѣстами достигаетъ художественнаго паѳоса древней трагедіи. Сквозь житейскую тину, охватившую жизнь, изображаемую сатирикомъ нигдѣ ни просвѣчиваетъ необходимое условіе художественной поэзіи—идеаль, на которомъ моглабы хотя на время, отдохнуть душа читателя, постоянно смущаемая мрачными картинами ужаснѣйшихъ сценъ. Сатирикъ, какъ говоритъ Скалигеръ²⁾ „горитъ весь негодованіемъ, неудержимо стремится и поражаетъ“. Не имѣя возможности писать въ то время когда желѣзная рука цезарей предписывала молчаніе всѣмъ и каждому, онъ затаивалъ въ душѣ свое негодованіе, копилъ новый запасъ гнѣва и раздраженія и лишь только благодѣтельное и умѣренное прав-

¹⁾ Cf. Sat., I, 79.

²⁾ Poët., III, 98.

леніе лучшихъ Императоровъ Рима: Нервы, Траяна и Адріяна, дозволило ему выражать свои мысли и рисовать дѣйствительность, онъ „развернулъ всѣ паруса своей сатиры“¹⁾. Его пылкой и раздражительный характеръ²⁾, постоянно вызывавшій новыя іереміады, унесъ его слишкомъ далеко. Онъ забывается. Даже если хвалить, то только съ цѣлью, чтобы тѣмъ хуже порицать. Нигдѣ онъ не рисуетъ хорошей стороны современнаго вѣка или отдѣльнаго лица; но постоянно только говорить о всевозможныхъ людскихъ низостяхъ, а если упоминаетъ о честныхъ личностяхъ, то прибавляетъ, что онѣ не многочисленнѣе „Оивскихъ воротъ или Нильскихъ устьевъ“³⁾. А между тѣмъ какъ ни было испорчено тогдашнее общесеве, какъ ни широко раскинулъ порокъ свои губительныя сѣти, все таки попадались отдѣльные хотя и рѣдкіе факты, которымъ нужно было отдать справедливость, сказать привѣтливое слово. Тацитъ, великій Тацитъ, который нисколько не можетъ считаться оптимистомъ, изобразивъ въ самомъ началѣ своихъ безсмертныхъ историческихъ книгъ всю грязь и испорченность современной жизни, прибавляетъ: „Но этотъ вѣкъ не былъ однакожъ столь скуденъ добродѣтелями, чтобы не произвести хотя нѣсколькихъ прекрасныхъ примѣровъ. Матери сопровождали въ бѣгствѣ своихъ дѣтей; жены слѣдовали въ изгнаніе за своимъ мужьями; попадались отважные родственники, смѣлые зятья, рабы непоколебимо вѣрные среди мученій; знаменитыя личности, поставленныя въ безвыходное, положеніе самая крайность положенія мужественно переносимая, и доблестная смерть, достойная древнихъ временъ“⁴⁾. Ничего подобнаго не найдемъ въ сатирахъ Ювенала и въ этомъ главный ихъ недостатокъ.

27. Второй недостатокъ ихъ заключается въ незначительномъ преувеличеніи зла. Онъ былъ слѣдствіемъ тогдашняго ложнаго воспитанія. Уже во времена Августа было въ обыкновеніи, что поэты посѣщали риторическія школы и какъ *scholastici* или *declamatores* занимались подъ руководствомъ одного или нѣсколькихъ риторовъ. Эти занятія заключались въ искусственномъ краснорѣчьи, умѣнii развивать при извѣстныхъ ora-

¹⁾ Juv., Sat. I, 149.

²⁾ Juv., Sat., I, 45.

³⁾ Juv., Sat., XIII, 26—27.

⁴⁾ Tac., Hist., I, 3: „Non tamen adeo virtutum sterile seculum, ut non et bona exempla prodiderit: comitatae profugos liberos matres, secutae maritos in exilia conjuges; propinqui audentes, constantes generi; contumax etiam adversus tormenta servorum fides; supremae clarorum virorum necessitates, ipsa necessitas fortiter tolerata, et laudatis antiquorum mortibus pares exitus.“

торскихъ риторовъ. Эти занятія заключались въ искусственномъ краснорѣчїи, умѣнїи развивать при извѣстныхъ ораторскихъ прїемахъ, довольно забавные выдуманые сюжеты въ изысканномъ изложенїи и гиперболическихъ выраженїяхъ. Страсть къ растянутости, общимъ мѣстамъ, парадоксамъ неестественнымъ и лишнимъ отступленїямъ, составляетъ существенную часть этихъ риторическихъ упражненїй, основанныхъ на ложныхъ началахъ¹⁾. Они особенно отразились на талантѣ Ювенала, который, по единогласному свидѣтельству всѣхъ біографовъ его и собственному указанїю²⁾, придерживался ихъ почти до 40 лѣтняго возраста, какъ необходимаго элемента тогдашняго публичнаго образованїя. Отъ нихъ никогда не былъ въ состоянїи освободиться нашъ сатирикъ. Когда по прошествїи сорока лѣтъ почувствовалъ онъ свое призванїе, дѣло было кончено: онъ не могъ говорить, не вознося иногда слишкомъ высоко голоса. Но можно-ли изъ этого заключить, что его негодованїе, которое мѣстами переступаетъ предѣлы, всегда несправедливо? Я не думаю. Нельзя вообще утверждать, что точность выраженїй служить признакомъ искренности, и что онѣ взаимно провѣряютъ другъ друга. Привычки и воспитанїе повсюду играютъ важную роль. Сроднившись съ искаженїями вкуса, мы со временемъ не можемъ освободиться отъ нихъ и они кладутъ свой отпечатокъ даже на самыя выраженїя истинныхъ чувствъ. Привычка дѣлается второю натурою, можемъ сказать, дѣлаетъ неестественное какъ-бы естественнымъ. Римская поэзія въ этомъ случаѣ предоставляетъ чрезвычайно любопытный примѣръ. Извѣстные „libri Tristium“ Овидїя, написанныя въ изгнанїи, полны безвкусія, какъ и большая часть его сочиненїй. Для изображенїя собственнаго несчастія онъ сохранилъ слогъ манерный, полный сравненїй и мишурнаго блеска, которымъ онъ столь часто озарялъ своихъ мїеологическихъ героинь. Онъ писалъ самъ о себѣ изъ страны Гэтовъ посланїя, совершенно похожія на тѣ, которыя складываютъ Инсипила или Федра въ его „Heroides“. Можно ли изъ этого заключить, что Овидїй не чувствовалъ глубоко своей горечи изгнанїя? Напротивъ, онъ упалъ подъ бременемъ послѣдняго. Двадцатилѣтняя привычка къ явленїямъ ложнаго вкуса породила манерность и изысканность, превратившіяся, такъ сказать, въ характерную особенностъ дарова-

1) См. о нихъ D. Nisard, *Études de mœurs et de critique sur les poètes latins de la Décadence*. Bruxelles, 1834. Т. II, p. 115—144.

2) См. vitae D. J. Juvenalis. In edit. Ott. Jahn, Berolini, 1851, pag. 386—390, и *Juv. Sat.*, I, 15 sq.

нія. При изображеніи несчастій другихъ, онъ никогда не руководился движеніями собственнаго сердца, но остался поэтомъ ложнымъ и при описаніи личныхъ чувствъ¹⁾. Тоже-самое можно примѣнить и къ Ювеналу; онъ декламируетъ это правда, онъ иногда больше выражаетъ въ своихъ стихахъ, чѣмъ имѣетъ въ сердцѣ, но изъ этого не нужно заключать, чтобы у него никогда не было въ сердцѣ того, что онъ выражаетъ въ стихѣ. Мы можемъ, въ интересахъ истины, смягчить нѣкоторую суровость его приговоровъ, ослабить въ извѣстныхъ случаяхъ, его рѣзкіе возгласы, какъ отголоски школьной привычки, но никогда не можемъ считать его гипокритомъ, или комедіантомъ и, подъ этимъ предлогомъ относиться къ нему съ недовѣріемъ. „Сатирѣ, замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ знатоковъ Ювенала²⁾, позволительно извѣстное преувеличеніе. Какъ древняя трагедія, она иногда надѣваетъ маску и встаетъ на котурнь, чтобы яснѣе видѣть и лучше слышать. Желая вѣрнѣе нанести ударъ, она мѣтитъ съ высоты и этимъ иногда легче попадаетъ въ цѣль“.

28. Показавъ, что декламация, столь сильно отразившаяся въ произведеніяхъ Ювенала, нисколько не даетъ намъ права относиться къ нимъ слишкомъ недовѣрчиво, я прибавлю еще нѣсколько замѣтокъ, касательно тѣхъ неблагопріятныхъ отзывовъ, которые новѣйшая критика сдѣлала объ Ювеналѣ какъ Сатирикѣ. Одинъ изъ талантливѣйшихъ французскихъ филологовъ, Деизидерій Низаръ, въ своихъ остроумныхъ изслѣдованіяхъ о латинскихъ поэтахъ, не приадузался заключить, что Ювеналь сатирикъ равнодушный, съ негодованіемъ, болѣе исходящимъ изъ головы, нежели изъ сердца, и Гораціевою беззаботностью³⁾. Основывается онъ единственно на отношеніяхъ Марціала къ Ювеналу⁴⁾ и на нѣкоторыхъ декламаторскихъ и шуточныхъ чертахъ, которыя вдругъ охлаждають негодованіе читателя и какъ будто обличаютъ равнодушіе сатирика.⁵⁾ Новѣйшій переводчикъ Ювенала Деспуа, отвѣчаетъ на первое мнѣніе, что нашъ поэтъ ни разу не упоминаетъ о своемъ другѣ, хотя довольно часто приводитъ, и даже съ похвалою, имена другихъ современниковъ. Притомъ одинъ изъ честнѣйшихъ людей своего времени, Плиній Младшій, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ Марціалу, а между тѣмъ никто до сихъ поръ не думалъ за-

¹⁾ Revue des cours littéraires, Paris, 1865—1866. Nr. 15, art. de M.-r. G. Boissier, p. 252.

²⁾ Aug. Vidal, Juvénal et ses Satires, Études morales et littéraires, Paris, 1869, p. XLIV de l'introd.

³⁾ D. Nisard, Etudes sur les poètes latins de la Décadence, Bruxelles, 1834, p. 107, T. II.

⁴⁾ Mart. Epigr., VII, 24; VII, 91; XII, 18.

⁵⁾ Juv., Sat., I, 30. 45., 51. 63. 76; VIII, 211 sq. XV, 171 sq.

подозрѣть искренность его убѣжденій¹⁾ Второе предположеніе французскаго критика тоже неимѣетъ основанія: это фразерство и бездоказательная догадка. Денламаторскій оттѣнокъ, охлаждающій негодованіе и возбуждающій въ читателѣ подозрѣніе въ равнодушіи писателя, скорѣе можно считать литературнымъ недостаткомъ, чѣмъ убѣдительнымъ доказательствомъ отсутствія честныхъ убѣжденій сатирика. Кромѣ того, эти неожиданные переходы отъ одной мысли къ другой, эти недосказанные слова встрѣчаются очень рѣдко и въ первыхъ книгахъ сатиръ они вовсе незамѣтны; кое гдѣ мелькаютъ они только въ послѣднихъ, написанныхъ въ преклонные годы: ихъ озаряетъ какая-то нравственная и философская мораль, болѣе спокойная и сдержанная чѣмъ пламенное негодованіе юношескихъ лѣтъ. Изрѣдка только оно появляется съ прежнею силою, и болѣе всего скрывается въ тѣхъ недосказанныхъ мысляхъ, въ тѣхъ полу-словахъ и неожиданныхъ переходахъ, которые скорѣе должно назвать нѣмымъ протестомъ противъ всего тогдашняго строя, сдерживаемымъ обстоятельствами порывомъ гнѣва, словомъ правды, замирающимъ на устахъ, подъ гнетомъ воспоминанія о прошломъ горѣ, даже невольнымъ опасеніемъ за спокойствіе своихъ старческихъ лѣтъ, чѣмъ доказательствомъ, компрометирующимъ честность и безупречность убѣжденій сатирика.

29. Какъ поэтъ и писатель Ювеналь соединяетъ въ себѣ почти всѣ замѣчательныя качества сатирическихъ авторовъ. Сохранивъ въ большей части сочиненій важный и чрезвычайно тщательно отдѣланный стихъ, онъ мѣстами оставляетъ свой порывъ, и оживляетъ рѣчь полными юмора и наивности шутками и насмѣшками. Такъ въ IV сатирѣ онъ ѣдко и остроумно преслѣдуетъ Домиціана, рассказывая о поимкѣ огромнѣйшей рыбы-ромба бѣднымъ рыбакомъ и о принесеніи ея въ даръ Цезарю. Затѣмъ обстоятельно описываетъ совѣщаніе старѣйшихъ отцовъ въ Албанской Виллѣ, созванное Домиціаномъ съ цѣлью рѣшенія вопроса о жизни или смерти знаменитой рыбы. Весь рассказъ на столько исполненъ ловкости, шутливости и оживленности сценъ, что ни въ чемъ не уступаетъ лучшимъ произведеніямъ самаго Горація. Почти такую же игривостью отличаются V и XI сатиры. Въ первой изъ нихъ превосходно описанъ обѣдъ, которымъ угощаетъ приглашеннаго клиента спѣсивый патронъ.

1) M. E. Despois, les Satiriques latins, traduction nouvelle. Paris, 1864, notices sur Juvénal, p. XVII.

Здѣсь весьма подробно и въ высшей степени характеристично перечислены всѣ контрасты въ кушаніяхъ, подаваемыхъ за столомъ хозяину и его приверженцу, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ негодованіемъ и горькою ироніею поэтъ говоритъ о всѣхъ тѣхъ обидахъ и униженіяхъ, которыя кліенты терпѣли отъ своихъ патроновъ. Во второй, т. е. въ XI, Ювеналь, желая осмѣять излишнюю роскошь современнаго вѣка, которая преимущественно замѣчалась въ приготовленіи великолѣпнейшихъ пировъ, подѣ видомъ приглашенія нѣкоего Персика къ скромному своему обѣду, въ живыхъ и шуточныхъ выраженіяхъ подаетъ своимъ согражданамъ примѣръ умѣренности и бережливости. Весь составъ сатиры столь изящный, что почти нигдѣ не видно того возбужденнаго тона которымъ отличаются почти всѣ сатиры Ювенала. Много также шутовскости содержитъ и XII сатира. Обрадовавшись спасенію своего друга во время кораблекрушенія, поэтъ вмѣстѣ съ домашними благодаритъ боговъ. Описаніе этого праздничнаго дня исполнено изящества и живости, а переходъ ко второй части сочиненія, гдѣ преслѣдуются похитители наслѣдствъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ эпизодовъ. Но при всемъ томъ и въ этихъ сатирахъ кое-гдѣ прокрадывается возбужденное состояніе поэта. И въ остальныхъ произведеніяхъ, написанныхъ въ свойственномъ Ювеналу строгомъ тонѣ, мѣстами попадаются веселыя шутки, преимущественно осмѣивающія ложныя понятія черни о богахъ, и безмысленныя мифологическія рассказы, къ которымъ сатирикъ, какъ деиствъ изычествства,¹⁾ относился съ особенною недовѣрчивостію.²⁾ Изъ этого мы ясно видимъ разнообразіе Ювеналова таланта, который, придерживаясь при порицаніи пороковъ главнымъ образомъ строгаго и возвышеннаго тона, въ извѣстныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ шуткѣ и колкости, стараясь не столько раздражать, сколько осмѣять. Относительно формы, въ которую Ювеналь одѣлъ свои сатиры, мы должны замѣтить, что онъ, хотя рѣже, чѣмъ Гораций, но все таки иногда придавалъ имъ драматическое изложеніе. Такъ въ III Сатирѣ онъ представляетъ нѣкоего бѣдняка Умбриція, который негодуя на испорченные нравы Рима, рѣшается переѣхать въ Кумы, и при этомъ рассказываетъ всѣ неудобства города и характеръ его жителей.³⁾ Недостатокъ лег-

¹⁾ О его религіозныхъ убѣжденіяхъ см. Martha, о. с. p. 312 sq.

²⁾ Sat. I, 81; II, 31 130; IV, 34; VI, 59; IX, 63; X, 246. 314; XII, 23; XIII, 34, 76, 112; XIV, 261. Cf. Munding, Ueber die Satiren des Juvenal in religöser u. sittlicher Bedeutung. Rottweil, 1865.

³⁾ Въ драматической формѣ написаны также IV и IX Сатиры.

ности и игривости, которыя въ подобныхъ разговорныхъ сатирахъ замѣчаются у Горация; нашъ поэтъ съ избыткомъ вознаграждаетъ живописностью картинъ, разнообразіемъ примѣровъ и пластичностью повѣствованія, характеризующими весь его произведенія. Въ нихъ, какъ въ яркой панорамѣ, представляются намъ весь слои тогдашняго общества, весь явленія его домашней и частной жизни; это картинная галерея, историческіе портреты римскаго общества отъ Тиберія до Адріяна. Его сатиры служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ произведеніямъ Тацита и какъ драгоценный памятникъ для характеристики нравовъ тогдашней эпохи, стоятъ выше сочиненій Сенеки, Петронія, Марціала и Плинія младшаго. Особенно поражаетъ насъ въ Ювеналѣ его приходливый, энергическій слогъ, та сила и могущество рѣчи и выраженій, которыя вездѣ проявляются при изображеніи жизни и нравовъ древняго Рима, живо и рельефно отражающіяся въ представленіи читателя. Его негодованіе, распаленное картиною пороковъ и гнусныхъ страстей терзавшихъ тогдашнее общество, сказывается въ непрерывномъ рядѣ порицаній и нападковъ, и въ ту минуту онъ является какъ-бы вооруженнымъ классическою палицею; поэтъ тогда, какъ удачно выражается одинъ нѣмецкій комментаторъ, представляется въ образъ Геркулеса поэзіи, и его красоты принадлежатъ къ роду ужаснаго!): съ факеломъ правды въ рукѣ онъ освѣщаетъ себѣ жизнь разлагающейся всемірной столицы и, при видѣ зла, поражаетъ его мечомъ, сверкающимъ молніями.²⁾

30. Извѣстія о сатирикахъ, жившихъ послѣ Ювенала, весьма скудны и вполне недостаточны для опредѣленія характера ихъ произведеній. Изъ цѣлаго ряда авторовъ, трудившихся на поприщѣ Луцилія и Горация, только сатира роэтриcis Sulpiciaе дошла до насъ. Она состоитъ изъ 70-и гекзаметровъ и написана по случаю эдикта Домиціана, которымъ философія и философы изгонялись изъ Рима³⁾. Слогъ ея отличается живостью и совершенно свободенъ отъ риторическаго фразерства

¹⁾ „Seine Schönheiten sind das Schrecklichschöne, seine Grazien die *οὐβερὰ καρίτες*.“
См. D. J. Juvenalis, Satirae cum Commentariis Car. Frid. Heinrichii. Val. II. Bonnac, 1839, p. 22 (Einleitung).

²⁾ Сравни, Völker, Juvenal, Ein Lebens- und Charckterbild aus der römischen Kaiserzeit. Elberfeld, 1851, p. 16: „Gewaltig donnert er dem Sünder seine Schande ins Ohr und scheut sich nicht, das Schandbare zu sagen; denn da es nun einmal so toll in der Welt hergeht, da die Sünde eine solche Macht übt, so muss mit blitzendem Schwert darein gehauen, und der Frevel ohne Rücksicht mit der Fackel der Wahrheit erleuchtet und enthüllt werden.“

³⁾ См. Albert. Imhof, T. Flavius Domitianus, Ein Beitrag zur Geschichte der römischen Kaiserzeit. Halle, 1857; IX Cap.: „philosophie und Christenthum“.

и напыщенности¹⁾. О другихъ сатирикахъ сохранились весьма смутныя и скудныя извѣстія. Такъ Клувіенъ упоминается Ювеналомъ²⁾; его знаетъ и Марціалъ, вмѣстѣ съ сатирикомъ Умберомъ³⁾; Силій и Деней приводятся древнимъ схоластикамъ Ювенала, а также Турнъ, изъ котораго въ другомъ мѣстѣ выписаны два стиха⁴⁾; объ немъ говорятъ и позднѣйшіе авторы⁵⁾. Французскій писатель Бальзакъ издалъ также подъ именемъ Турна небольшую сатиру, направленную противъ Нерона; но многіе новѣйшіе критики считаютъ ее какъ *Ficta pro Antiquis* произведеніемъ пера самаго Бальзака⁶⁾. Далѣе упоминаются Тукка, Юлій Руфъ и Манлій Вопискъ⁷⁾; быть можетъ философъ Корнутъ, Рабирій и Гавій Бассъ а также Аппулей слагали сатиры. Къ концу IV и къ V-му вѣку, относятся: Тетрадій, другъ Авзонія, Децій и его отецъ Луцилій, наконецъ роётрихъ Eucheria, составившая небольшую сатиру противъ жениховъ (*In procos*)⁸⁾.

31. Изъ приведенныхъ указаній мы видимъ, что послѣ Ювенала римская сатира не имѣла ни одного замѣчательнаго дѣятеля и что онъ былъ ея послѣднимъ великимъ представителемъ. Ему мы поэтому и посвятили нѣсколько больше строкъ и это считали себѣ тѣмъ болѣе позволительнымъ, что Ювеналъ не только талантомъ превосходилъ многихъ современниковъ, но по сердцу и убѣжденіямъ стоялъ выше своего вѣка. Онъ, по выраженіи знаменитаго поэта нашихъ дней, „старая свободная душа исчезнувшихъ республикъ“⁹⁾; онъ питаетъ сочувствіе ко всѣмъ страданіямъ, онъ съ соболѣзнованіемъ относится ко

1) См. ея изданія Шлерера, Mitau, 1846, и M. Perreau, въ Oeuvres Compl. de Juvénal, de Perse, etc. par. F. Lemaistre. N-le Ed. Paris, 1863, p. 364.

2) Sat., I, 80.

3) Mart., Ep. VII, 90.

4) Schol. ad Juv., Sat., I, 20. 71. Mart., VII, 97. XI. 10.

5) Rutil. Namat., I, 599. Sidon. Apoll. Carm., IX, 267. Lydus de Magistr. I, 41.

6) См. Bähr, Gesch. der R. Lit., I, p. 633—634.

7) Mart., X, 99; XII, 94. Stat., Silv., I, 3. 101.

8) Bähr, o. c. p. 634.

9) William Shakspeare, p. 77. par Victor Hugo: „Juvénal est la vielle âme libre des respubliques mortes...“ Ср. тамъ же стр. 76 и 78. „Juvénal a la passion, l'émotion la fièvre, la flamme tragique, l'emportement vers l'honnête, le rire vangeur, la personnalité, l'humanité. Juvénal a au-dessus de l'empire romain le battement d'ailes du gypaète au-dessus du nid de reptiles. Il fond sur ce fourmillement et les prend tous, l'un après l'autre, dans son bec terrible. Pas une corde ne manque à cette lyre, ni à ce fouet.... Son cynisme est l'indignation de la pudeur. Il y a de l'épopée dans cette satire.... L'invective de Juvénal flamboie depuis deux mille ans, effrayant incendie qui brûle Rome en présence de siècles.“

всѣмъ несчастіямъ. Изъ потока его грозныхъ нападковъ и скорбныхъ нареканій, вырываются нерѣдко возгласы, обличающія его благородныя мысли и убѣжденія). Онъ оплакиваетъ поэта въ уединеніи, принужденнаго переносить гордость богачей²⁾, онъ страдаетъ вмѣстѣ съ несчастными, доведенными до послѣдней крайности³⁾, онъ подымаетъ свой голосъ на защиту раба⁴⁾, онъ охраняетъ бѣдняка⁵⁾. Онъ воспѣвалъ слезы „свидѣтельство сострадательнаго сердца и самый лучшій даръ, которымъ природа надѣлила человѣка“⁶⁾; онъ начертилъ прекрасный образъ милосердія „дарованнаго намъ небомъ“⁷⁾. По благородству-же своихъ убѣжденій онъ примыкаетъ къ тѣмъ писателямъ древности, которые въ развалинахъ лжи и мрака дряхлаго, отжившаго свое время язычества, прозрѣваютъ новое общественное зданіе, основанное на справедливости и нравственныхъ обязанностяхъ. Его возгласы не возгласы возмущенія, но состраданія; это тѣ протесты, совѣты и соболѣзнованія, которые проходятъ непрерывно по всѣмъ столѣтіямъ великой римской имперіи, до тѣхъ поръ, пока христіанскіе писатели, преслѣдуя ту-же самую цѣль, не прибавляютъ къ своимъ возгласамъ противъ роскоши, гордости и эгоизма слова участія къ бѣдному и угнетенному, и не возводятъ милосердія на степень христіанской добродѣтели. —

Изъ предложеннаго сочиненія мы получаемъ слѣдующіе выводы:

- 1) Сатира есть чисто-національная отрасль римской литературы, вполне независимая отъ греческой сатирической драмы.
- 2) Варронъ во многомъ подражалъ Эннію и Мениппу.
- 3) Луцилій, помимо Эннія Пакувія и Варрона, можетъ быть названъ изобрѣтателемъ римской сатиры.
- 4) Отличительное свойство сатиры Горація легкое порицаніе и осмѣяніе человѣческихъ недостатковъ, въ шутовскомъ и веселомъ тонѣ.
- 5) Горацій не вполне свободенъ отъ вліянія Луцилія.

¹⁾ Aug. Vidal, o. c. p. XXXIV.

²⁾ Sat., VII, 30—32.

³⁾ IX, 62.

⁴⁾ XIV, 16—17.

⁵⁾ III; 203—208. V, 130.

⁶⁾ XV, 131 sq.

⁷⁾ Ibid., v. 146.

6) Quint., inst., Or., X, 1, § 94: „Multum et verae gloriae quamvis uno libro Persius meruit“.

7) Отличительный характер сатиры Ювенала, сложившейся подъ влияніемъ современной ему эпохи, отличается безошаднымъ преслѣдованіемъ всѣхъ пороковъ и недостатковъ.

8) Главный недостатокъ Ювенала заключается въ представленіи одной только дурной стороны своего вѣка.

9) Декламація не даетъ намъ права относиться слишкомъ недовѣрчиво къ Сатирамъ Ювенала.

10) Мнѣніе Низара (Etudes sur les poètes latins de la Décadence, Bruxelles, 1834. Т. II, р. 107 sq.) о Ювеналѣ „какъ сатирикъ равнодушномъ“, несправедливо.

11) Какъ поэтъ и писатель Ювеналъ соединяетъ въ себѣ почти всѣ замѣчательныя качества сатирическихъ авторовъ.

12) Ювеналъ послѣдній великій представитель римской Сатиры.

